Григорий Шепелев

Последняя шутка Наполеона

18+

Григорий Шепелев

Последняя шутка Наполеона

«Автор»

2016

Шепелев Г. А.

Последняя шутка Наполеона / Г. А. Шепелев — «Автор», 2016

Пятнадцатилетняя девушка Рита, блуждая по лесу, обнаруживает в чащобе заброшенное старинное кладбище. Прочтя то, что было написано на одном из надгробий, и оглядевшись по сторонам, она понимает, что у неё появился враг, который всю её жизнь превратит в кошмар...

© Шепелев Г. А., 2016
© Автор, 2016

Содержание

…Я никому не пожелаю встретиться с ним, 6
Пролог 7
Часть первая 8
Глава первая 9
Глава вторая 11
Глава третья 14
Глава четвёртая 19
Глава пятая 23
Глава шестая 27
Глава седьмая 33
Глава восьмая 39
Глава девятая 43
Глава десятая 47
Конец ознакомительного фрагмента. 50

Григорий Шепелев
Последняя шутка Наполеона

Все герои этой истории на страницах романа имеют вымышленные фамилии и имена. Любые их совпадения с именами и фамилиями реальных людей являются случайными.

…Я никому не пожелаю встретиться с ним,

даже если у него не будет никакого револьвера.
М Булгаков

Пролог

– Мамочка! Представляешь, я сейчас достала из того шкафа книгу – ужасно старую книгу, «Остров сокровищ», а из неё выпало письмо! И это письмо написано по-старинному…

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, не авторучкой, а пером, с кляксами! Вот послушай, что в нём написано: «Дорогая Лизонька! Твоего отца мы похоронили, согласно воле его, на старообрядческом кладбище. Это кладбище уж давно окружено глухим хвойным лесом. Чтобы к нему пройти через этот лес…»

– Катенька, послушай! Я ведь тебя просила мне не звонить на работу по пустякам. Когда я приду домой, мы поговорим.

– Но мама! Если б ты знала, что дальше в этом письме написано! Это просто кошмар! Послушай, осталось всего пять строк…

– Катенька, приду и поговорим, – повторила мама, после чего раздались гудки. Не успела Катя положить трубку, как телефон зазвонил.

– Алло, – ответила девочка.

– Катенька, сейчас к вам придут, – сказал незнакомый голос. После этого Катю никто никогда не видел.

Часть первая

Никогда не знакомьтесь с Наполеоном

Глава первая

Некоторые думали, что Наташу Лиховскую зовут Эля. Эля Булатова. Так она представлялась тем, кто нравился ей, а также их родственникам, друзьям. Имя «Эля» она считала более романтичным. В большинстве случаев её сразу разоблачали, поскольку Олимпиаду в Атланте смотрели многие. Как было не запомнить ангельскую зеленоглазую рожицу, залитую слезами после кошмарной схватки с американкой, которая без труда поймала Наташу на болевой, сперва распластав её на татами пятками к журналистам! Так и ушла серебряная медаль. Но бронзовую Наташа вырвала у японки, поверив тренеру. Он при всей команде пообещал из самой Лиховской при помощи сковородки сделать японку, если продует. Победу ей присудили за незначительным перевесом. После Олимпиады из профессионального спорта пришлось уйти. На этом настаивал психиатр. Было очень обидно – в двадцать три года многие дзюдоистки планируют поучаствовать ещё в паре Олимпиад.

После тридцати Наталья Лиховская Элей больше не называлась и в рыжий цвет волосы не красила, решив стать глупышкой-блондинкой. Это её порядком омолодило, хотя конкретно данную цель она не преследовала. Но годы брали своё. В сорок лет Наташа уже не выглядела на двадцать и глупенькой не казалась – слишком тяжёлым сделался её взгляд. Вдобавок, её стали узнавать не только знатоки спорта, но и любители криминальной хроники. Это всё приводило к серьёзным срывам. Порой Наташа сама их усугубляла, берясь за книги, бросающие ей вызов. Особенно её раззадоривали «Тысяча и одна ночь», все восемь томов. Арабские сказки грубо расшатывали реальность – весьма ужасную, но родную. Другой ей было не нужно. Эта реальность была её отражением, результатом её решений. Бронзовая призёрка Олимпиады не соглашалась перечеркнуть свою жизнь, признав их ошибочность. Гордость не позволяла ей заниматься самокопанием и увиливать от борьбы с иною реальностью. Ту, иную, навязывали ей дервиши из восточных сказок – странствующие вшивые колдуны, люто презиравшие всё красивое, светлое, выдающееся, особенно – умных женщин. Наташа дервишам отвечала полной взаимностью. Она видела их глаза на каждом лице, которое ей не нравилось, она слышала их невнятные, проклинающие молитвы из каждой пасти, которую стоило бы заткнуть. Они были всюду.

Не обошлось без них и той ночью, с которой эта история началась. Точнее, был ещё вечер. Первый осенний вечер, утыкавший чёрный шёлк золотыми шпильками так роскошно, будто под ним шумел океан, а не миллион кредитных машин. Со дня переезда минуло двое суток и два часа. Квартира Наташе очень понравилась: место тихое – переулочки-закоулочки, дверь стальная, второй этаж, внизу – палисадник. Всё остальное было неважно. Наташа знала – ей долго здесь не прожить. Она нигде не жила дольше двух-трёх месяцев. Продолжалось это семнадцать лет. Да, уже семнадцать. Сколько их было, этих квартир? Наверное, сто. Или даже двести. Из некоторых сбегать очень не хотелось, особенно когда всё болело, а по окну хлестал снегом ветер.

Было двадцать три двадцать. Стоя под душем, Наташа пела англоязычную песню из девяностых и вспоминала тех, кто звал её Элей. Их было двое, так и не вспомнивших, где они могли видеть её лицо. Такие смешные мальчики! Одного любила она, другой обожал её. Ей было плевать, что с ними теперь. Но воспоминания грели. Втирая гель в ягодицы, она восторженно повторила слова припева:

– Да, Stay with me! Именно! Отлично! Великолепно! Но только там, а не здесь. Сейчас он не нужен. Сейчас ему…

Мобильник подал сигнал эсэмэски. Сполоснув руки, Наташа быстро взяла его с верхней полочки, где стояли её шампуни с красками, и прочла: «Ты где, дорогая???»

Коленки дрогнули. Галька! Галька из казино! А три вопросительных знака она поставила? Да, поставила… Не из горла, не из груди, а из всего тела Наташи, от самых пяток, вырвался стон. Сев на бортик ванны, она заплакала. Почему? Почему так рано? Это немыслимо! Как могло такое произойти? Квартира оплачена за два месяца, а прошло всего лишь два дня! Деньги – на исходе!

Но нужно было спешить. Галька – не из тех, кто попусту бьёт тревогу. Ополоснувшись, Наташа ринулась в комнату. На полу оставались мокрые следы её ног. Вещи полетели из шкафа так, будто он взорвался. Утрамбовав в пакет юбку, блузку, колготки и два комплекта белья, Наташа стремительно натянула джинсы и кофточку. Документы, деньги и телефон сунула в карман, в спешке не заметив, что плохо сунула, потому что в кармане был носовой платок. Склонилась над обувью, с тоской думая, что надеть, что взять, что оставить. Этот нелёгкий выбор ей помог сделать звонок, внезапно раздавшийся.

Он чирикнул, как соловей. Наташа оторопела. Её потрясло не то, что смерть к ней примчалась быстрее пули, а то, что дервиши позвонили в дверь. Ведь не идиоты они – рассчитывать, что она возьмёт да откроет! По логике, они должны были бы организовать засаду возле подъезда. Там её взять им было бы куда проще. Позвонить в дверь могли лишь затем, чтобы побудить её в панике воспользоваться для бегства окном. Конечно – второй этаж, решёток на окнах нет! Значит, в палисаднике – целый взвод. Ну нет, она им такого праздника не подарит!

Звонок ещё раз чирикнул. Дверь была заперта на одну задвижку. Та была смазана. Босиком подойдя к двери, Наташа прислушалась, а затем прильнула к глазку. Тишина. Темно. Видимо, глазок прикрыли ладонью. Наполнив воздухом грудь, как перед прыжком в воду, Наташа выдвинула засов из дверной коробки и, нажав ручку, резко открыла дверь.

Стоявшие за порогом едва успели отпрыгнуть. Их было двое. Они решили её схватить. Это было глупо. Такая глупость могла быть объяснена разве что внезапностью вылазки. Ведь они не могли не знать, с кем имеют дело! Сообразив, который из них сильнее, Наташа минут на пять нейтрализовала его ударом под дых. Второго, вцепившегося ей в руки, она скрутила и, уложив ничком, оседлала. Рванула за волосы. Он жалобно застонал, пуская слюну.

– Ни звука, почтенный, – проворковала бывшая чемпионка, нащупав в одном из его карманов ствол, однако решив к нему не притрагиваться. – Ни звука! Иначе, клянусь Аллахом, я пущу в дело нож. Внизу сколько человек?

Ножа у Наташи не было. И в угрозе не было смысла, ибо любой оказавшийся у неё в руках мечтал быть зарезанным. Но слюнявый дервиш ответил, что внизу – пятеро: двое возле подъезда, трое – под окнами.

– Молодец, – сказала Наташа дервишу. Раскроив ему лоб о верхнюю ступень лестницы, она бросилась звонить в дверь соседней квартиры, которая выходила окнами на другую сторону дома. После визгливых увещеваний – да я, мол, ваша соседка, да у меня разболелся зуб, да нету ли анальгина, открыл мужик. Заспанный, в трусах. Сломав ему челюсть, Наташа мышкой шмыгнула на холодок, струившийся из открытой форточки кухни. Её преследовал женский визг, звучавший на одной ноте. Он доносился из дальней комнаты. О, заткнуть бы ей глотку! Но было некогда. Распахнув окно, Наташа вскочила на подоконник. Ей стало страшно. Что там, внизу? Вдруг голый асфальт? Лучше не смотреть! Всё равно нет выбора. Она прыгнула.

Глава вторая

Матвей с двадцати трёх лет старался придерживаться только одного правила: не иди вперёд, там – могила. Он не любил бодрячков, видящих во всём позитив, этаких шаблонно отдрессированных продавцов-консультантов. Бывший торгаш, он не узнавал себя в этих людях. Косясь на руки, похлопывающие его по плечу, с беспокойством думал: «Э, нет! Уж лучше на кладбище!» А потом спохватывался: «Так ведь как раз именно туда они и зовут! Выходит, могила могиле рознь? Это интересно! Над этим стоит поразмышлять». Но не размышлял. Забывал. Эпоха дикого рынка выковала его такими тяжёлыми молотками, каких у нового времени не нашлось. Чем старше он становился, тем с большим пылом взлелеивал отзвук юности, чтоб не дать ему улетучиться. Это было для него главным. Никто не мог этого понять. Потому жениться так и не получилось. После того, как власть, заботясь о мелком бизнесе, вырыла для него могилу, Матвей воспользовался последней возможностью оставаться верным своему правилу, наплевав на все остальные. Подремонтировав свою «Шкоду», он стал мотаться на ней по улицам, отбирая хлеб у официальных таксистов. Его знакомые не могли понять, как он умудряется зарабатывать в таких пробках, да при такой конкуренции, да ещё и не попадаться в лапы налоговой. Он давал короткий ответ: везёт. Да, ему везло. Иногда. Поэтому денег было немного. Но отзвук юности звенел весело и уверенно, заглушая даже вопрос о том, почему одни могилы заманчивы, а другие – нет.

В тот вечер Матвей возвращался из Ярославской области, отвезя соседей на дачу. Денег эта поездка принесла мало, а проблем – уйму. Дважды оштрафовали за скорость, да на обратной дороге застучал шрус. Пришлось свернуть с трассы и час мотаться по деревенькам в поисках автосервиса, из ворот которого пахло бы не одной только водкой, но и закуской. Такой сарай обнаружился, как ни странно, в самой глухой деревне, куда въезжать даже было страшно.

– Сколько ей лет? – спросил автослесарь, двинув по колесу ногой в сапоге.

– Пятнадцать, – сказал Матвей. Достав сигареты, он угостил собеседника. Тот прикурил от своей, нахраписто затянулся.

– А выглядит лет на пять! Чехи молодцы, чего говорить. Шрус есть? Поменяем, дело недолгое. Загоняй её на подъёмник!

– А сколько мне это будет стоить?

– Три косаря. Вчера, кажись, водка подорожала по всей губернии. Не слыхал?

Матвей согласился. Пока двое алкашей, рыча друг на друга матом, яростно раскурочивали подвеску его машины, он у ворот курил, задумчиво глядя в сумеречную высь, где вспыхивали одна за другой и дрожали звёзды. Из глубины полей, дальний край которых сливался с серой линией горизонта, тянуло запахом фермы.

Шрус кое-как приладили. Расплатившись, Матвей вернулся на трассу и дал сто сорок, сгоняя с левого ряда всех лихачей. Миновав Мытищи, он сбросил газ – девок вдоль дороги стояло тьма, да все замечательные, на шпильках! Мимо одной Матвей проскочить не смог, в прямом смысле слова ударил по тормозам. Опустил стекло.

– Подвезти?

Роскошная дылда – рыжая, с многообещающим ртом, взглянула на него строго. Стряхнула пепел с «Вирджинии». Ярко-красными ноготками большой длины почесала ногу под краем юбки, из-под которой белели трусики.

– Я такси здесь, что ли, ловлю?

– А я не таксист, – возразил Матвей. – Я красивых женщин вожу бесплатно, и исключительно по одному адресу.

Дылда сплюнула и зевнула, да притом так, что три проезжавших автомобиля сбавили скорость. Да, язычок впечатлял сильнее, чем трусики.

– А жена уже не наведывается по этому адресу? – закрыв рот, поинтересовалась рыжая.

– Я развёлся. Пылкий мужчина с красивой внешностью – скверный муж. Так сколько мне будет стоить час обоюдного наслаждения?

Указательный палец дылды щелчком отбросил окурок.

– Три косаря.

Вот тут Матвей и взорвался, что, разумеется, следовало бы сделать ещё вчера, когда ему предложили тащиться чёрт-те куда только за оплату бензина. Он жёстко обхамил рыжую, заявив ей, что она – дура, что на Тверской есть девки покруче и что ей надо стоять около пивного ларька, а не на шоссе.

– Езжай на Тверскую, – вяло пожала плечами дылда, опять закуривая. Матвей предложил ей пятьсот рублей. Она громко свистнула. Из машины, стоявшей неподалёку, вылезли двое. Поняв, что переговоры зашли в тупик безнадёжно, пылкий мужчина с красивой внешностью поспешил продолжить движение. До контакта с рыжей кикиморой он рассчитывал въехать в город по Ярославке, но дылда так его раззадорила, что был принят следующий план действий: по кольцевой добраться до Ленинградки, а уж по ней – до Тверской. Благодаря пробкам на этот путь ушёл час.

Тверская его разочаровала. На второй скорости он проехал до Моховой, присматриваясь к обочине, на которой сочно белели бёдрами миниюбочные красотки, но ни одной красивее рыжей не обнаружил. Все длинноногие обитательницы Тверской были с ним в приятельских отношениях. Поболтав с двумя, стоявшими возле мэрии, он узнал, что был рейд и пару десятков девушек замели, чтоб выполнить план, причём выбирали самых красивых.

– А только здесь, на Тверской, менты беспредельничали? – с тревогой спросил Матвей.

– Нет, по всему центру, – с ноткой сочувствия обломали его девчонки. – Так что, езжай домой, если мы тебя не устраиваем.

Конечно, они его не устраивали! Ещё бы! Рыжая тварь стояла перед глазами, ласково повторяя: «Три косаря!» Помчался Матвей домой, решив утереть ей нос при помощи интернета, где, как известно, можно найти любую. Уже сворачивая на Волгоградский проспект, злобно передумал. Да ну его, интернет! Это уже будет совсем какая-то гнусность. Лучше напиться! Вконец расстроенный, проскочил он на красный свет под носом гаишника. Тот, по счастью, был слишком занят. Машины, двигавшиеся наперерез, разразились яростными сигналами.

Пятый год Матвей жил в Жулебино, перебравшись в этот район из более дорогого, когда возникла нужда в деньгах. Домой ему не хотелось, и он решил дать крюк через Выхино, ибо знал, что на Вешняковской также порой стоят проститутки. Близилась полночь, когда он туда свернул. Поскольку то была ночь с субботы на воскресенье, машин на юго-восточной окраине почти не было. Вешняковская, политая водой, блестела под фонарями. Остановившись на светофоре перед больницей, Матвей взглянул на обочину. И – застыл.

Рыжая растаяла. Без следа. Навеки. Куда ей было до босоногой блондинки в джинсах и свитере, что бежала прямо к нему, спрыгнув с тротуара! Да, босиком бежала к нему, по лужам! Бред? Сон? Мираж? Она была роста среднего, но Матвей, хоть любил высокеньких, ясно понял, что все его тридцать восемь лет прожиты напрасно, ибо он прожил их без неё. Ей было под тридцать. Зеленоглазая, стройная, запыхавшаяся, с растрёпанными и влажными волосами, она была изумительна. Просто чудо! Не понимая и не желая понять, куда он попал, Матвей опустил стекло.

– Можете меня подвезти? – вскричало видение, подбежав и молящим жестом прижав к груди тоненькие ручки.

– Смотря куда и за сколько, – сказал Матвей весьма твёрдым голосом. Уж ему ли было не знать, как важно сохранять твёрдость, когда перед тобой – та, которую ждал всю жизнь! Блондинка взволнованно заморгала.

– Мне всё равно! Меня только что выгнали из дома. Мне нужно купить ботинки. Но у меня нет денег. Вы понимаете?

– Понимаю.

Вспыхнул зелёный свет. Однако, других машин рядом не было, и Матвей решил продолжать избранную тактику. Он достал сигареты и предложил изгнаннице закурить. Она закурила, после чего решительно распахнула заднюю дверь и, бросив два взгляда по сторонам, шмыгнула в машину.

– Едем! Пожалуйста! Я замёрзла! Я простужусь!

– Как тебя зовут-то? – спросил Матвей, разгоняя «Шкоду».

– Наталья.

Он удивился, поскольку именно это имя и ожидал услышать. Как странно! Белые волосы… Почему вдруг? Они как будто просили рыжего цвета.

Выдохнув дым, она оглянулась через плечо. Матвей за ней наблюдал. Пустота дороги давала ему возможность почти не отрывать глаз от зеркала. Он заметил на её пальцах, сжимавших фильтр, засохшую кровь. Это не смутило его. Назвав своё имя, он сообщил, что живёт один, поэтому будет рад разделить с ней ужин. Эта идея ей пришлась по душе. Она улыбнулась.

– Я также рада! Отлично!

– Я где-то видел тебя, – продолжал Матвей, въезжая на Вешняковский круг. – Где мы могли встретиться?

– Мы нигде с тобой не встречались.

Но ощущение тайны, струившееся, казалось, из ярких звёзд, обильно рассыпанных над Москвой, осталось. Свернув на улицу Молдагуловой, чтоб с неё вырулить на МКАД, Матвей собирался продолжить свои расспросы, но… Тут случилось невероятное. Всё опять пошло кувырком. Нога самопроизвольно нажала на педаль тормоза. От подъезда восьмиэтажного дома, важно откинув голову, шла к проезжей части брюнетка с сумкой через плечо. Она была изумительна! Просто чудо.

Глава третья

Эту изумительную брюнетку звали Рита Дроздова. Вот уж полгода она снимала комнату в Вешняках, работая кем придётся – то дистрибьютером, то клубной официанткой, то продавщицей в салоне мобильной связи. Её единственным развлечением стали с недавних пор поездки в деревню. Там у неё был собственный дом с несколькими яблонями и сливами, о котором она лет двадцать не вспоминала. В тот звёздный вечер она решила туда смотаться. Быстренько собралась, как следует отругала свою младшую соседку, Женьку, за подростковый алкоголизм, выпила с ней водки, и, заказав такси, подалась на улицу. Такси она, следуя своей давнишней привычке, вызвала не к подъезду, а к остановке напротив дома. Шагая по двору, закурила.

Чёрная «Шкода», принять которую за такси можно было только после беседы с Женечкой, приближалась. Её водитель вдруг почему-то повёл себя весьма странно: резко затормозив, вышел из машины и так на Риту уставился, что она себя оглядела – уж не забыла ли надеть юбку? Нет, не забыла. Кофта, колготки, туфельки также были на месте. Но молодой человек продолжал таращиться. Если бы не его наружность, Рита немедленно попросила бы ей прислать другого водителя. Да, он был, чёрт возьми, хорош – милая мордашка, стильная стрижечка, пиджачок. Рита улыбнулась. Он покраснел.

– Такси? – спросила она, бросая окурок. Матвей кивнул.

– Да, да, да, такси! Отвезу недорого. Вам куда?

– Что значит – куда? – подняла бровь Рита. – Я ведь сказала девушке, которая принимала заказ: Калужская область, сто тридцать пять километров от кольцевой. Мне назвали цену – три с половиной тысячи. А теперь вы спрашиваете, куда! Я не понимаю.

Она скользнула взглядом по «Шкоде», и – сквозь стекло встретилась глазами с блондинкой, которая наполняла машину табачным дымом. Эта блондинка также была милашкой. Поняв, что произошло недоразумение, Рита молча направилась к остановке, чтоб сидя ждать своего такси. Матвей побежал за нею.

– Стойте! Пожалуйста, подождите! Вы говорите, сто тридцать пять километров от кольцевой? Я вас отвезу за две с половиной тысячи! Там, на заднем сиденье – моя жена. Мы с ней просто так катаемся. Отвезём. Садитесь!

– Две с половиной? – переспросила Рита. Она взглянула опять на «Шкоду», потом опять на Матвея. – Твоя жена?

Ей стало смешно. Ещё почему-то стало немного жаль расставаться и с этим странным мужчиной, и с этой женщиной, и с загадкой их отношений. Мелкое любопытство Рите не было чуждо. Что до Матвея, то им владело гораздо более сильное ощущение. Ведь глазами этой брюнетки, одна походка которой заставила его сердце биться быстрее, смотрела ночь с привкусом тоскующего безумия!

– Не жена! – вскричал он. – Подруга! Какая разница? Отвезём! Давайте отбой.

– Ах, это твоя подруга? – не унималась Рита. – Какая прелесть! Она, судя по всему, не очень ревнива.

Матвей велел себе улыбнуться.

– Я потому так на тебя пялился, что ты очень похожа на Уму Турман. Когда мне было семнадцать лет, я в неё влюбился. Её портрет до сих пор висит над моим диваном.

– Тогда вези уж меня за две, – улыбнулась Рита. – Не жадничай, дорогой! Первая любовь живёт в сердце вечно, горя в глазах зарёй юности. Неужели ты ей не скинешь пятьсот рублей?

– Да побойся Бога, целый косарь уйдёт на бензин! – взмолился Матвей. – Ты ведь говоришь, Калужская область?

– Да, но по Симферопольке, с поворотом на Серпухов. А за ним – ещё сорок вёрст.

– А, по Симферопольскому? Так это ведь красота, шоссе скоростное! Ночью за полтора часа долетим. Две – так две. Согласен.

– Ну, и отлично.

Достав мобильник, Рита строго прибавила:

– Я на всякий случай скину знакомым номер твоей машины. Не возражаешь?

– Можешь и фотографию мою скинуть, – пожал плечами Матвей. Рита не замедлила его сфоткать, но отправлять ни снимок, ни СМС не стала. Связавшись с Яндекс-такси, она сообщила, что у неё изменились планы, так что машина ей не нужна. Пришлось это втолковать и лично таксисту, который тут как раз прибыл. Чернявенький азиат взглянул на Матвея волком и обнаружил некоторое знание русского языка – к счастью, небольшое. Выполнив разворот, он резво вернулся на Вешняковскую. А Матвей, расположив Риту, согласно её желанию, рядом с первой своей попутчицей, устремился к южному горизонту, над коим звёзды сияли как-то особенно. До того он был окрылён сказочностью ночи, что позабыл извиниться перед зеленоглазой за то, что ужин откладывался. Той, впрочем, было вовсе без разницы, куда ехать – хоть к чёрту на именины, лишь бы подальше да побыстрее.

Транспортный поток на МКАДе ещё не полностью рассосался. Скорость левого ряда была под сто. Пристроившись за «Тойотой», Матвей включил печальную музыку, чтоб создать какой-то противовес эмоциональному всплеску и попытаться осмыслить происходящее. У него был свой индивидуальный взгляд на жизнь и на смерть – не слишком религиозный и, вместе с тем, не вполне материалистический. Смерть, которая воссоединяет с бездной непостижимого, лучше жизни с её слепыми метаниями. Однако, могила могиле рознь. Какая из двух этих безусловно чёртовых баб, притихших сейчас за его спиной, выроет удачную? Это был, конечно, вопрос.

От дыма, который полз с заднего сиденья, уже слезились глаза. Уменьшив звук магнитолы, чтобы попросить девушек опустить хотя бы одно стекло, Матвей обнаружил, что они вовсе даже и не притихли. Какое там! Быстро повернувшись на бульканье и хихиканье, он увидел, что Рита держит в руке бутылку, уже далеко не полную, а Наташа – пару стаканчиков. Обе сыпали пепел куда попало. Обе казались очень довольными.

– Вы что, пьёте там? – вознегодовал Матвей, опять устремляя взгляд на дорогу.

– Ром, – отозвалась Рита, не уловив запятую в его вопросе. Из её рта пахнуло чёрным «Баккарди». Наташа с привизгом захихикала. Они выпили и запили фантой из баночки.

Поворот на трассу Матвей чуть не прозевал, поэтому начал перестроение очень резко. Ему сигналили. Вырвавшись на прямую, чёрную линию Симферопольского шоссе, он продолжил путь с поднятыми стёклами. Ему очень хотелось слышать, о чём толкуют две его спутницы. Всё равно не услышал, так как мотор на высокой скорости шумел громко, а пассажирки беседовали вполголоса. Иногда звенели бутылкой о край стакана. Где-то уж за Подольском вдруг попросили остановить около кустов. Спрятавшись за ними, они продолжили болтовню, смеясь уже во всю глотку. Подозревая, что они ржут именно над ним, Матвей решил воспарить над разочаровавшей его реальностью и включил радио «Классик». По нему звучал скрипичный концерт Вивальди.

– Учёные доказали, что регулярное прослушивание Моцарта продлевает жизнь, – изрекла Наташа, когда развесёлый путь был возобновлён. – Хотите жить вечно – слушайте Моцарта.

– Дорогая, как это соотносится с тем, что сам Моцарт прожил тридцать четыре года? – спросила Рита. – Он сам себя мало слушал, что ли?

– Дура ты, дура! Он вообще никого не слушал. Он был глухой.

– Сама ты овца! Глухим был Бетховен.

Они чуть не подрались. Поняв, что к их разговору дальше прислушиваться не нужно, Матвей опять занялся своими мыслями. Уносились вдаль забегаловки, магазины, бензоко-

лонки, посты ГАИ. Над полями, которые рассекала трасса, мерцали отсветы городов. Минут через сорок пять свернули на Серпухов. Рита чётко указывала Матвею путь. После въезда в город Наташа выбросила бутылку и объявила, что голодна. Пришлось заскочить в Макдональдс. Наевшись там до отвала за счёт Матвея, чёртовы бабы сбегали в магазин и взяли вина. Они его пили уже в машине. За Серпуховом дорога также тянулась среди бескрайних полей. Потом она углубилась в лесной массив. Мелькали какие-то городишки. Путь продолжался уж два часа. За рекой Протвой, которую переехали по мосту в посёлке Кремёнки, темнела глушь. Мрачно потянулись деревни с редкими фонарями. Машина, прыгая по ухабам старой бетонки, звенела так, что сердце Матвея прямо-таки обливалось кровью.

– Долго ещё? – поинтересовался он, минуя очередное селение.

– Километров пять, – ответила Рита.

Большую часть этих километров двигались вдоль реки с туманными берегами. Между рекой и дорогой тянулся луг. Потом повернули на гору. На горе стояло село. Именно село – луна высветила церковь. Сотня домов, как бы озарённая с высоты тремя куполами, казалась призрачной, потому что вокруг – над краем садов, над околицей, над оврагами, над громадным простором сжатых полей, клубился туман. Пронизанный звёздами, он был страшен, хоть и прозрачен.

Когда достигли первых домов, Рита очень строго предупредила:

– Наталья! Мы тебя высадим, и ты в доме нас подождёшь. Мы съездим на кладбище. У меня там важное дело.

Матвей открыл было рот, однако Наташа опередила его.

– А какого хрена я не могу поехать с вами на кладбище? – возмутилась она так сильно, что можно было подумать – её не брали на шоколадную фабрику.

– Потому что там, на кладбище, рома нет, – объяснила Рита. – А в доме будет его целая бутылка. Вот она, вот!

И потрясла сумкой. В ней что-то звякнуло. Босоногая скандалистка была вполне удовлетворена ответом. Когда проехали домов десять, Рита велела Матвею остановить. Взяв сумку, вместе с Наташей вышла. Матвей следил, как они, отперев калитку, идут через палисадник, засаженный ежевикой, к низенькому крылечку, как, сняв с двери амбарный замок, входят в дом – бревенчатый, покосившийся, с крутой крышей. Труба над нею была обложена кирпичом. В окнах вспыхнул свет. Задвигались тени.

Было так тихо, что Матвей слышал писк комара за стеклом машины. Дома с обеих сторон дороги стояли очень добротные, обновлённые или новые. Все, кроме одного-единственного. Того, в который вошли Наташа и Рита. Последняя вскоре вновь присоединилась к Матвею. В её руке вместо сумки были три пачки «Кента».

– Едем вперёд! Оно – за деревней.

Матвей послушно завёл машину и тронулся.

– У тебя родня там какая-то похоронена, что ли? – полюбопытствовал он спустя несколько минут, когда проезжали церковь. Древняя, высоченная, устрашающая, стояла она на самой высокой точке горы, откуда уж было рукой подать до околицы. Вокруг церкви были густые заросли, сквозь которые от дороги тянулась к дверям тропинка. О лобовое стекло отчаянно хлопался мотылёк. Аккуратно взяв его и спровадив, Рита ответила:

– Друзья детства. Витька, Алёшка, Танька.

– Местные?

– Да.

– Ты тоже отсюда?

– Нет, я – москвичка. Просто я в детстве здесь проводила каждое лето со своим дедом. С Иваном Яковлевичем.

– А сколько им было, твоим друзьям?

– Алёшка и Витька – мои ровесники. Танька – старше тремя годами. Она умерла от рака, а те спились. В последнее время они мне начали сниться каждую ночь. Всё ноют и ноют – совсем ты нас, говорят, забыла! Пожалуйста, говорят, привези нам «Кент»! Они «Кент» любили. Я его привозила им из Москвы. А Танька за ним на велосипеде ездила в Протвино.

Рита говорила очень спокойно. Спокоен был и Матвей. Ещё бы – спиртом от этой девки разило так, что слёзы из глаз текли! Смущали его лишь три пачки «Кента». Где она их купила? Если в Москве, то дело серьёзное. Даже очень. А если в Серпухове, поддатая – ничего. Проспится, и будет всё замечательно.

А деревня уже была позади. Открылись просторы, пересекаемые бетонкой. На горизонте виднелся лес. До кладбища от околицы было около километра. Оно раскинулось прямо возле дороги, среди берёз. Было ощущение, что деревья растут прямо из тумана. Кованые кресты и ограды под изумительным светом неба казались отлитыми изо льда.

Съехав на траву, Матвей заглушил мотор и выключил фары. Звёзды, мерцающий блеск которых вдруг перестал отталкиваться подсветкой приборов, как бы придвинулись и коснулись его своими лучами.

– Иди, – сказал он, – я жду.

– Ты должен пойти со мной, – заявила Рита, повернув голову и уставившись на него. От этого ему стало сильно не по себе, ибо её взгляд был очень внимательным.

– А зачем?

Она улыбнулась.

– Наполеону таких вопросов не задают. Ему либо верят, либо не верят. Либо иди, либо не иди. Но только не спрашивай ни о чём.

– Но ведь со мной, кажется, говорит не Наполеон, – заметил Матвей.

– Это тебе только кажется, мальчик.

Он с ней пошёл, заперев машину. Никак нельзя было не пойти. Ночные сверчки из зарослей клевера провожали его надрывно. Тихо ступая, он огляделся по сторонам. С горы открывался сказочный вид на многие километры вниз: речная долина, устланная туманом, за ней – огни деревень. Ещё дальше – хвойный лесной массив. Над ним багрянело зарево городов, которые он, Матвей, миновал сегодня, мчась по шоссе. Он так засмотрелся, что налетел на ограду.

– Тише, – злобно взглянула на него Рита. – Иди за мной!

И они направились к центру кладбища. Жутковато было Матвею. Шелест берёз казался ему осмысленным, но не членораздельным, как крик немого. Пройдя за Ритой среди крестов и оград две сотни шагов, он решился с нею заговорить, дабы показать ей твёрдость своего голоса, но она внезапно остановилась.

– Вот она.

– Кто? – выдохнул Матвей, по спине которого прошёл холод.

– Могила Таньки.

Матвей взглянул на надгробие за оградой. Сталь и гранит холодно блестели под красноватой луной. Но он не успел ничего увидеть. Страшная тишина раскололась, как непроглядное небо, через которое прошла молния. Это взвыла автосигнализация.

Рита, кажется, собиралась что-то сказать ещё про могилу. Но вместо этого она что-то тихо спросила – видимо, как могло такое случиться? Матвей её не услышал. Он повернулся и побежал обратно, к дороге, не думая ни о чём, кроме одного: машина орёт!

Да, она орала – страшно, по-волчьи, мигая фарами так, что кладбище вспыхивало. Поблизости не было никого. Да откуда ж было взяться кому-то возле погоста, в туманных ночных полях? Подбежав к машине, Матвей достал из кармана пульт и нажал на кнопку. Сигнализация смолкла, фары мигать перестали. Но произошло то, чего раньше не было никогда – центральный замок не щёлкнул. «Шкода» осталась запертой.

Леденея, стоял Матвей и нажимал кнопочку. Он не мог ничего понять. Миллиард сверчков вокруг истерил. Кладбищенские берёзы вторили им, когда ветерок делался сильнее даже чуть-чуть. Замок не срабатывал. Прежде чем Матвей вспомнил, что «Шкоду» можно открыть обычным ключом, прошло минут пять. Он уже садился за руль, когда возвратилась Рита – очень спокойная, очень бледная.

– Можем ехать, – произнесла она, усевшись рядом с Матвеем и хлопнув дверью.

– Если она ещё заведётся, – пробормотал Матвей, дрожащей рукой всовывая ключ в замок зажигания. Крутанул. Она завелась. Трава была мокрая от росы, и колёса дали свистящую пробуксовку. Добавив газу, Матвей заставил машину преодолеть подъём и сразу включил вторую, а затем третью скорость, не обращая внимания на колдобины. Огоньки деревни впереди прыгали и плясали, будто их кто-то дёргал за ниточки.

– Что там было? – спросил Матвей, когда миновали церковь.

– Все они приходили, – сказала Рита.

– Ты сигареты им отдала?

– Отдала, конечно.

Глава четвёртая

Оставшись в доме одна, Наташа решила на всякий случай его обследовать – не из страха, что в нём могли оказаться дервиши, а из чистого любопытства. Жилая часть включала в себя две комнаты с довоенной мебелью, некоторые предметы которой – например, стол и буфет, могли бы всерьёз заинтересовать любителя старины. Имелись и прочие деревенские прелести, как то: половички, оконные занавесочки с кружевами, вагонка вместо обоев, иконостас, взбитые подушечки на диване и двух железных кроватях, ходики с гирями. Эти самые ходики вовсю тикали. На них было без двадцати пяти три.

Каждый шаг Наташи сопровождался старческой жалобой половиц. В более просторной комнате была печь – огромная, русская. Любопытно, можно ли на ней спать? Оказалось, можно. Место для этого было справа. Там даже лежал тюфяк, пахнущий мышами. Комнаты были разделены сумраком сеней. Он таил в себе пару кованых сундуков, обшарпанный холодильник, лестницу на чердак, какие-то грабли, вилы, лопаты, косы, печной ухват. На гвоздях, не полностью вбитых в стену, лежали удочки. А что там, в том дальнем конце, поблёскивает? Засов? О, задняя дверь! Это интересно.

Открыв ту дверь, имевшую внизу лаз для кошки, Наташа спустилась по трём высоким ступенькам в узенький коридорчик и очутилась между тремя другими дверями. Само собой, она их нащупала, потому что мрак стоял абсолютный. Сперва был снят крючок с той, которой узенький коридор оканчивался. Тяжёлая дверь, заскрипев, открылась сама, что некоторым дверям свойственно. Опять засияли звёзды. Они роняли свой свет на сад, заросший крапивою и бурьяном. Пахнуло яблоками и сливами.

– Замечательно, – прошептала Наташа, – яблоки я люблю, а также и сливы! Взглянем теперь, что за правой дверью.

За правой дверью была какая-то комната. Включив свет, Наташа увидела, что она – совсем небольшая, обклеенная обоями. В дальнем углу были дверцы подпола. Также в комнате находились письменный стол, диванчик, два стула, вместительный самодельный шкаф и комод с громадными ящиками. Назвать всё это старинным было никак нельзя, даже и с натяжкой. Всё это было банально старым. Покинув комнату и открыв противоположную дверь, Наташа едва осталась жива от ужаса. На неё кто-то бросился.

Этот кто-то, судя по его натиску, был опасен. Шарахнувшись от него, она нанесла удары – сперва рукой, а затем ногой. Удары попали во что-то мягкое и должны были сразу же уничтожить его на месте – ведь у Наташи, претендовавшей на олимпийское золото по дзюдо, был и чёрный пояс по каратэ. Но они отнюдь не парализовали врага. Более того – оно, это мягкое, даже их не почувствовало. Захрюкав, оно толкнуло Наташу так, что та чуть не проломила спиной дверь комнаты, затем ткнуло – но уже с нежностью, в требующее нежности место между ногами.

– О, дервиш! – вырвался вопль из груди Наташи. – Клянусь аллахом, ты пьян!

Дервиш не был пьян. Он был поросёнком. Сообразив, что к чему, а самое главное – убедившись, что поросёнок ведёт себя дружелюбно – в меру своих представлений о дружелюбии, бронзовая призёрка Олимпиады утёрла слёзы. О, эти слёзы беспомощности, позора и унижения! Их когда-то видел весь мир. Целый миллиард дураков взахлёб упивался её, Наташкиной, болью – после того, как она не только позволила припечатать себя к татами и заломить себе руку, но и додумалась разреветься. Теперь свидетелем её слабости стал один поросёнок, который явно не был склонен к злорадству. Больше того, он хотел дружить – обнюхивал, хрюкал, тыкался пятачком в колени. Но было так же обидно. Громко послав будущее сало ко всем чертям, Наташа вернулась в комнату с русской печью и, сев за стол, откупорила бутылку рома. Пила она из железной кружки, достав её из буфета.

Какая-то очень странная тишина стояла и за окном, к которому присосался белый свет фонаря, и в доме. Она, эта тишина, казалась Наташе странной ввиду наличия поросёнка. На её взгляд, он должен был топать, хрюкать, что-то ещё вытворять подобное этому. Если он ушёл в сад жрать яблоки, почему не доносится хруст и чавканье? Свиньи, вроде, жрут очень громко. Да уж, загадка! Вторая порция рома мало-помалу вернула Наташе бодрость. Выкурив сигарету, она решила слазить и на чердак. Что, если и там обитает какое-нибудь чудовище? Уж ему-то она покажет, на что способна!

Тут за окном послышался шум мотора. К дому подъехал чёрный автомобиль. Это была «Шкода».

– Там поросёнок, – зловещим голосом сообщила Наташа, когда Матвей и Рита вошли. Голос прозвучал настолько зловеще, что они поняли: рому выпито много.

– А! Это Сфинкс, – объяснила Рита. – Он что, тебя напугал? Ты выпустила его?

– Как его зовут? – вскричала Наташа.

– Сфинкс.

– Поросёнка? Сфинкс? – также удивился Матвей, садясь на диван. – А почему Сфинкс?

Рита сняла туфли. Поставив их возле печки, прошлась по комнате.

– Потому, что раньше в соседнем доме жил поросёнок, которого звали Сфинкс. Он был моим другом.

– А почему того звали Сфинкс? – пристала Наташа, взяв со стола большое жёлтое яблоко и лениво его куснув.

– Потому, что я дала ему это имя.

– А почему ты дала ему это имя?

– Как – почему? Поросёнок – свин. Почти Сфинкс.

– Банально!

– А кто сказал, что я претендую на искромётность?

Сев на диван, Рита закурила. Потом стянула колготки. Ноги у неё были белые, как лицо Наташи во время встречи со Сфинксом около лестницы. Отследив, какими глазами смотрит на них Матвей, спортсменка злорадно задрала нос.

– Ого! Я вижу, на кладбище секса не было?

– Судя по торжеству в твоём голосе, здесь он был, – заметила Рита. – Надеюсь, ты хотя бы предохранялась? Я с диким ужасом представляю помесь свиньи и курицы.

– Сама курица, – улыбнулась Наташа. – Скажи, зачем тебе Сфинкс? Ну зачем, зачем? Ты что, любишь сало?

– Я люблю смерть.

Матвей и Наташа переглянулись.

– Ты будешь резать его сама? – спросила последняя.

– Нет. Более того – никто его не зарежет. Он будет жить, пока я жива.

– Так при чём здесь смерть?

– То есть как, при чём? Сфинкс – хранитель смерти. Он бережёт покой её самых щедрых и пламенных почитателей – фараонов.

– Но ты ведь не фараон, ты Наполеон, – напомнил Матвей. – Зачем тебе Сфинкс в виде поросёнка?

– Ты плохо знаешь историю. Я Египет завоевала.

– И что с того?

– Вот ты странный! Давай я тебя спрошу, зачем тебе руль от «Шкоды», которую ты купил?

– Да это ты странная, если даже не знаешь, что тот, кем ты назвалась, потерял Египет вместе со Сфинксом! Он всё, вообще, потерял. И умер на острове.

– Это крайне невежливо – говорить о присутствующих в третьем лице, – разозлилась Рита, вытянув ноги. – Тебе бы так находить, как теряю я! Тебе бы рождаться так, как я умираю. А утверждать, что я потеряла Сфинкса – это уж вовсе нелепо, поскольку я могу его предъявить.

– А кто кормит Сфинкса в твоё отсутствие? – пресекла нелепый конфликт Наташа. – Мне почему-то кажется, что он просит жрать ежедневно, даром что каменный.

– Тётя Маша, соседка. Впрочем, отныне кормить его будешь ты.

Наташа от удивления чуть не выронила бутылку, взятую просто так, для ознакомления с этикеткой.

– Я?

– Ну, конечно. Разве тебе не хочется здесь пожить месяцок-другой? Продуктами я тебя обеспечу.

Где-то вдали – должно быть, на самом краю деревни, пропел петух. Ходики пробили четверть четвёртого. До зари оставалось более двух часов. Матвей, взяв бутылку из рук задумавшейся Наташи, также воззрился на этикетку.

– Матвей, не пей, – попросила Рита, пуская дым. – Мы с тобой поедем сегодня, повезём яблоки на продажу. Кстати, какая у твоей «Шкоды» кукурузоподъёмность?

– О, наконец-то кто-то со мной согласился! – возликовала Наташа, приняв, судя по всему, некое решение. – Я всегда утверждала, что кукуруза – это сорт яблок, полученный путём скрещивания кукушки с арбузом!

Матвей сказал, отвечая на вопрос Риты, что грузоподъёмность «Шкоды» – полтонны, но он поедет немедленно и без яблок. С этими словами он встал, возвратив Наташе бутылку.

– Жаль, – произнесла Рита. – А я рассчитывала, что ты меня перед сном проводишь кое-куда.

– Куда? На другое кладбище?

– Именно. И оно понравится тебе больше первого, я уверена. Там могилы совсем другие.

Заметив, как изменилось лицо Матвея, Наташа прыснула.

– Она шутит! Дура она. Ты должен её проводить туда, где шляется сейчас Сфинкс.

– Он наверняка как раз там и шляется, – возразила Рита.

– Где – там? На кладбище, что ли?

Бросив окурок в печь, Рита поднялась.

– Пойду прогуляюсь в сад. Кто со мной?

Желающих не нашлось. Наташа хихикала, наполняя кружку. Матвей стоял, опустив глаза.

Через чёрный ход, обследованный Наташей, Рита спустилась в сад. Уже ощущалась близость рассвета. Было свежо. Роса на траве лежала обильная, будто дождь прошёл. Сфинкс сидел под яблоней и с печалью о чём-то думал. Увидев Риту, он хрюкнул, да этим и ограничился. Ничего ему не сказав, Рита прогулялась к забору, стараясь не задевать голыми ногами крапиву. Яблок валялось на земле тьма. Корыто с водой, стоявшее у смородиновых кустов, казалось бездонным. Справа задумчиво шелестели ветками три высокие сливы. Ягоды с них почти уже все попадали.

До вторых петухов простояла Рита возле забора, глядя на Млечный путь, поблёкший перед зарёй. Курила. Ей было очень тоскливо и, вместе с тем, очень радостно. Она словно прощалась с кем-то навеки, осознавая, что так оно будет лучше. Прямо над садом вспыхивали зарницы. Подбежал Сфинкс. Погладив его, Рита вместе с ним отправилась спать. Он свернул к себе. Она поднялась в верхнюю часть дома и, зайдя в комнату, никого там не обнаружила. Между тем, машина под фонарём стояла.

Глаза у Риты слипались, и она стала стелить постель. Тут они вернулись. Скрип половиц в сенях дал понять, откуда. Из нижней комнаты. Да, диванчик там, в отличие от кроватей в избе и горнице, не скрипел.

– Риточка, про второе кладбище расскажи, – потребовала Наташа, садясь за стол. Матвей сел напротив. Он выглядел утомлённым.

– Я ложусь спать, – ответила Рита и, сняв с себя всю оставшуюся одежду, кроме белья, скользнула под одеяло. – Я уже сплю.

– А я не смогу уснуть, пока не узнаю всё, – стукнула Наташа кулаком по столу. – Ведь Матвей мне всё рассказал про первое кладбище! Это было ужас как интересно. И очень страшно. Давай, рассказывай про второе! Где оно, где?

Рита поняла: она не отвяжется.

– Далеко в лесу, за рекой. Но ты ничего не знаешь про первое. Ведь Матвей ничего не видел.

– Он ничего не должен был видеть, поэтому и не видел. Я не хочу вникать в тайну, которая охраняется. Про второе давай рассказывай!

– А откуда ты знаешь, что эта тайна не охраняется?

– Я не знаю. Но если вдруг она охраняется, нам об этом как-нибудь намекнут.

– Ну, ладно. Матвей, и ты будешь слушать?

Матвей кивнул. Ещё бы он отказался! Закрыв глаза, Рита начала:

– Двадцать лет назад…

Глава пятая

Ранним утром Рита, которой было пятнадцать лет, сидела возле реки и удила рыбу. Солнце едва взошло над лугами. Заводь перед стремительным перекатом была недвижна, как пруд. Над нею печально склонились ивы. Слева, на мелководье, шумел камыш. Противоположный берег был очень крут. Около обрыва течение шло назад, потом возвращалось. Там уходил на страшную глубину Русалочий омут. По реке плыл прозрачный туман. Удочка лежала на деревянной рогатке, воткнутой в дно у берега. К ней же был привязан садок, в котором томились два окунька. Пузатенький поплавок, белевший среди кувшинок, минут пятнадцать бездельничал. У реки паслось колхозное стадо.

– Линя приваживать надо, – вразумлял Риту пастух по имени Трофим Фёдорович, сидевший на бугорке позади неё. – Неужто твой дед Иван тебе это не втолковывал? Он ведь шибко грамотный в этом деле! А плюс к тому, линей здесь уже много лет никто не ловил. А ты, вишь, нацелилась! Да и не вытянешь ты линя, даже если клюнет. Скорее, он в реку тебя утащит. А на что ловишь?

– На выползка, – отвечала Рита, мысленно посылая дядю Трофима на все три буквы, чтоб с ней мог побыть Алёшка, его помощник, который щёлкал кнутом далеко за ивами. Но болтливый старик опять к ней пристал:

– Да, линя здесь в последний раз поймали лет этак шесть назад! Или даже семь. А знаешь, как было дело?

– Не знаю. Как?

Сделав самокрутку, дядя Трофим чиркнул над ней спичкой. Окутавшись сизым дымом, глубокомысленно поскрёб ногтем щетинистый подбородок.

– Это произошло за Дальним песочком. Там тоже есть кувшинистые места, которые любит линь. Три дачника пили водку на берегу. Удочка стояла. Вот линь и клюнул. Стали его тащить. А он не идёт, упёрся! Один из тех дурачков взял да и полез в реку его вытаскивать. Да и начал тонуть – в ил стало его засасывать. Второй лезет его спасать, и – тоже кричит: спасите, мол, утопаю! Третий разделся, да всех их вытащил – и линя, и своих дружков.

– Обалдеть! А линь был большой?

– Да, здоровый был. Больше четырёх килограммов.

Рите стало обидно. Она не в первый раз слышала о том, что проклятый линь идёт на крючок то к каким-то пьяницам, то к мальчишкам, которые и слыхать о нём не слыхали, то к глупым бабам – словом, к кому угодно, только не к тем, кто страстно мечтает его поймать и изо всех сил старается это сделать.

– А тебе линь когда-нибудь попадался, дядя Трофим? – спросила она.

– Да я, честно говоря, не рыбак, – признался старик. – Я больше любитель поговорить о рыбалке, других послушать, а ловить – нет. Рыбу почему-то жалко становится.

Докурив самокрутку, пастух подался к своим коровам. Он начал громко ругать Алёшку за то, что тот подпустил их близко к болоту возле дороги:

– Если увязнет – ты её, что ли, будешь за хвост вытягивать? Отгоняй!

Становилось жарко. Поскольку клёв ушёл безвозвратно, Рита решила идти домой, чтобы не тащиться в гору под невозможным полуденным солнцепёком. Выпустив окуньков, которые ошалели от счастья так, что даже забыли сказать спасибо, она проворно смотала удочку и пошла. К дороге ей пришлось пробираться среди коров. Они её знали и потому не очень боялись, хотя она стегала их удочкой. Быки вовсе не обращали внимания на неё. Алёшку она увидела издали, уже выйдя из стада. Сидя на кочке, он выливал из ботинок грязь. Рита помахала ему рукой. Он к ней подбежал, держа в одной руке кнут, а в другой – ботинки.

– Ритка, привет! Поймала линя?

– Ага, десять штук! Ты зачем коров в болото загнал, дурак?

– Да сами полезли!

– А ты, дубина, куда смотрел?

– На тебя. На бугор залез, гляжу – ты у заводи! Загляделся. А они, сволочи, как попрут к этому болоту! Любят, тварюги, гнилую воду лакать.

Рита засмеялась. Алёшка нравился ей – белобрысый, худенький, суетливый, всегда какой-то оборванный. Его дури хватило бы на троих. Достав из кармана «Кент», она закурила и угостила приятеля. Тот, спеша воспользоваться её сигаретной щедростью, отшвырнул и кнут, и ботинки, да вытер руки о джинсы. Прикуривая, спросил:

– А на что ловила?

– На выползка. Ой, домой их тащу! Вот дура.

Достав из сумки банку с червями, Рита их вытряхнула в траву.

– Мы сегодня ночью около церкви будем бухать, – сообщил Алёшка. – Придёшь?

– А что отмечаете?

– Отмечаем покупку водки.

– Ого! Это что-то новое. Самогонные аппараты по всей деревне сломались, что ли?

– Работают. Просто Танька привезла какой-то дорогой водки из Протвино. Ведь у неё днюха была неделю назад, когда она к тётке ездила, в Керчь.

– А я и не знала! Сколько ж ей стукнуло?

– Восемнадцать.

Дядя Трофим около реки вдруг хлопнул кнутом. Около дороги залаял и заметался Полкан – более толковый его помощник. Коровы медленно побрели куда-то мимо бугра.

– Мы сейчас погоним их к броду, – сказал Алёшка, быстро надев ботинки и схватив кнут. – Всё, давай, до вечера!

Рита двинулась дальше. С уловом она домой возвращалась обычно через деревню, а без улова – оврагом, мимо колхозной бани. Поскольку улов отсутствовал, ей пришлось делать крюк, хотя из-за начинающейся жары идти было тяжело. На склоне оврага её соседи – отец и два сына Тюлькины, ворошили сено. На их вопрос, идёт ли она с рыбалки, Рита ответила отрицательно. После этого ей пришлось опровергнуть их утверждение, что в её руке – удочка, а не грабли. Они немного обиделись. Ей на это было плевать. Чуть поближе к бане две молодые женщины полоскали в ручье бельё. С ними состоялся аналогичный диспут. Словом, домой Рита заявилась в немного взвинченном состоянии.

Её дед, Иван Яковлевич, мгновенно это заметил. Он всё всегда замечал, чем бы ни был занят. В то утро он регулировал клапана своей старой «Волги», надев холщовую кепку с узеньким козырьком, чтоб жгучее солнце не пекло лысину. Очевидно, он приступил к ремонту машины совсем недавно, так как успел подправить перекосившиеся ворота. Эта работа была им начата на заре.

– Дед, помочь? – заставила его вздрогнуть Рита, идя к крыльцу. Её тон делал невозможным любой ответ, кроме отрицательного.

– Не нужно, – сказал отставной полковник, пристально посмотрев на внучку поверх очков. – Лучше погляди, не горит ли каша. А заодно самовар включи.

И опять склонился к мотору.

– Спасибо, что не спросил, с рыбалки ли я пришла, – прокричала Рита уже с терраски, гася под кастрюлькой газ. Включив электрический самовар, прибавила: – Вся деревня ко мне сейчас обратилась с этим вопросом, хоть я задами шла! Представляешь?

– Рита, твой городской снобизм не красит тебя, – заметил старик. – Людей надо уважать, даже если они задают тебе странные, на твой взгляд, вопросы. Разве они тебя оскорбляли?

– За что людей надо уважать? – возмутилась Рита. – Только за то, что они родились без хвостов и шерсти? Или за то, что им приходится постоянно работать, поэтому думать некогда?

– Да, в том числе и за это. Уж лучше не думать вовсе, ни при каких обстоятельствах, чем додуматься до того, что ты сейчас изрекла.

Рита огорчилась. Меньше всего на свете она хотела обидеть деда. Это был человек, который ни разу в жизни не сделал зла никому, исключая тех, с кем бился на фронте. И вот – обиделся! И понятно было, на что. Родившись в деревне, он деревенским так и остался, хоть получил два высших образования и полвека прожил в Москве, где преподавал в Академии Жуковского. Впрочем, он никогда на внучку подолгу не обижался. Она была на него похожа – мечтательные глаза, глубокая рассудительность, нос с горбинкой. Лет до шести росла Рита с мыслью, что её дед может всё. Её разочарование было страшным, когда вдруг выяснилось, что он не умеет играть на скрипке. Чуть повзрослев, она могла целыми вечерами его расспрашивать о тяжёлой юности, о войне, о послевоенных годах и о разных людях. Очень любила слушать, как дед вполголоса напевает, что-нибудь мастеря или наблюдая за поплавком. Песни «Заводь спит», «Варяг», «Путь сибирский дальний» запали в сердце ей на всю жизнь.

– Дед, а тебе лини когда-нибудь попадались? – спросила Рита во время завтрака на терраске. Завтрак был сытным, хоть не изысканным – манка, яйца, варёная колбаса, чай с бубликами. Иван Яковлевич наморщил лоб, вспоминая.

– Да, я линей ловил. Не очень, правда, больших. До двух килограммов.

– А это было давно?

– Лет десять назад. Нет, всё же пораньше – тебя ещё, вроде, не было. Здесь рыбачил, под Вязовной.

– А ты специально шёл на линя?

– Да что ты? Я специально ни на кого не нацеливаюсь. Что клюнуло, то и клюнуло. Для меня рыбалка – это приятный отдых, не больше.

Рита задумчиво отхлебнула чаю.

– Ты не усматриваешь здесь мистики?

– Мистики? – удивлённо переспросил Иван Яковлевич. – О чём ты?

– О том, что линь не клюёт у тех, кто пришёл ловить именно линя – какие бы тонкие снасти он ни наладил, какую бы вкусненькую наживку ни приготовил, как бы ни прикормил! Линь умнее хитрых.

– Чистые сердцем Бога узрят, – изрёк отставной инженер авиаполка. С этими словами он отодвинул свою тарелку и также начал пить чай. Теперь удивилась Рита.

– Это откуда?

– Новый Завет.

– Ты что, веришь в Бога?

– Нет. И ты это знаешь. Ни в Бога, ни в Сатану, ни в мистику. Я всю жизнь посвятил науке и верю в то, что она может дать ответ на любой вопрос. А Библию прочитал затем, чтобы убедиться в правильности своей позиции.

– И тебе это удалось?

Иван Яковлевич не успел дать ответа. В дверь неожиданно постучали, после чего она распахнулась, и на терраску вошла приятная женщина средних лет, с тарелкой блинов, краешки которых с тарелки даже свисали. Это была тётя Маша, соседка. Очень приветливо поздоровавшись и с Иваном Яковлевичем, и с Ритой, она сказала:

– Андрюшке моему год сегодня исполнился. Пожалуйста, помяните его, мои дорогие!

Муж тёти Маши в прошлом году разбился на мотоцикле. Его оплакивало не только село, но и весь район, поскольку он был хороший автомеханик и очень многим помог – кому за стакан, кому и за просто так.

– Большое спасибо, Машенька, – поспешил Иван Яковлевич подняться, чтобы принять тарелку. – Как там компрессор? Работает?

– Ещё как! Уж прямо не знаю, чем отблагодарить мне вас, Иван Яковлевич! Так вы его наладили, как Андрюшка не смог бы, Царство ему небесное!

На глазах тёти Маши блеснули слёзы. Она утёрла их рукавом.

– Спасибо вам преогромное! И тебе, Риточка, спасибо. Вы приходите! Вишню пособираете.

– Непременно зайдём, – заверил старик. – Только не за вишней, а просто так. Ещё что-нибудь наладим.

Рита спросила:

– А как там Сфинкс, тётя Маша?

– Сфинкс без тебя, Риточка, худеет. Ты бы почаще его проведывала! Назвать назвала, а не навещаешь.

Рита пообещала нынче зайти. На том и простились. Сразу после ухода доброй соседки пришёл чуть более дальний сосед с другой стороны – дядя Вася, плотник. Комкая в руках кепку, он пробасил:

– Иван Яковлевич, простите за беспокойство! Вы мне пилу не посмотрите?

– Что, опять не работает?

– Да работать работает, но ведь вы мне тогда, два года назад, сказали, что, мол, мотор может зазвенеть! Вот и зазвенел. Я уж прям боюсь, как бы не сгорел он вовсе, мотор-то!

– А ну, пойдём поглядим.

Риту раздражала эта готовность деда незамедлительно, по любому зову, срываться что-то налаживать, ремонтировать, проверять. Старый человек, уважаемый, а ведёт себя как мальчишка. Свистнули – мчится! Такого рода нахальство со стороны соседей, родственников, знакомых сверх всякой меры имело место в Москве, а здесь – того чаще. Вон, даже чай не допил!

Допив свой, Рита пошла спать. Спала она в нижней комнате. Её к дому пристроил дед. Также он пристроил и мастерскую. Эти два помещения разделял узкий коридор, который заканчивался тяжёлой дубовой дверью. За ней был сад. Рита обожала нижнюю комнату. Столько было в ней интересного! Самодельный шкаф хранил три комплекта дедовой офицерской формы времён войны, столько же шинелей, какой-то старый подсачек, спиннинги, плащ-палатку и надувную лодку на антресоли, дубовый письменный стол с двумя тумбами – инструменты и рыболовные снасти, комод – журналы сорокалетней давности. В непогоду у Риты не было более интересного дела, чем их листать, зачитывая до дыр. А ещё из комнаты можно было проникнуть в подпол – очень глубокий, страшный. Рита одна опасалась в него соваться. Сейчас обе его дверцы были распахнуты, чтобы шла из земли прохлада. Казалось, что вместе с ней очень неприметно и ненавязчиво – только взглядом сквозь паутину, колеблемую дыханием, проникает в комнату дух столетнего подземелья, все уголки которого одни крысы могли исследовать.

Да, после ранней рыбалки, вдобавок перед ночной гулянкой, конечно, необходимо было поспать часа три-четыре. Раздевшись, Рита легла в постель. Диван был ужасно старый, но не скрипел он ни капельки. Рита долго смотрела на потолок из досок, и слушала птиц, щебечущих за окном, в саду, и думала об Алёшке. Никак не мог он её оставить – такой смешной, белобрысый, глупый! С этими мыслями погрузилась Рита в счастливый сон.

Глава шестая

Неподалёку от церкви была когда-то сельская школа – бревенчатое двухэтажное здание. С четверть века пропустовав, она развалилась. Её руины в виде полуистлевших брёвен так и лежали на пустыре близ околицы. Остальное было растащено, когда школа ещё стояла. На этих брёвнах расположилась вечером молодёжь праздновать восемнадцатилетие Долгуновой Таньки. Сперва народу собралось много, и шум несколько часов стоял на весь край села. Но ближе к полуночи большинство разошлось, хоть водка была действительно дорогая, да и закуска сладкая – яблочки. Просто стал накрапывать дождь. Кроме именинницы, не ушли лишь Рита, Алёшка, Витька – ещё один деревенский парень, Дашка Колесникова и Димка. Димка был из Москвы, приезжал к родне на каникулы. Он оканчивал музыкальную школу по классу скрипки, но мог играть также на гитаре. Этим как раз он и занимался, сидя на брёвнах. Широкие листья клёна, который вырос среди развалин, не позволяли гитаре мокнуть. Играл будущий скрипач мастерски, но репертуар не вписывался ни в место, ни в настроение слушателей.

– Сыграй что-нибудь из Цоя, – просила Дашка, Бах для которой был всего-навсего смешным словом. – Ну, или из Бутусова! Я спою.

– Пусть лучше играет он что угодно, чем я услышу, как ты поёшь! – заорала Танька, не найдя яблоко, чтоб заесть полстакана водки. – Дайте мне что-нибудь! Быстро дайте!

Ей дали сливу, которая обнаружилась в чьём-то заднем кармане, так что была раздавлена.

– Надо яблок ещё добыть, – продолжала Танька, чуть отдышавшись, – или воды! Пусть кто-нибудь наберёт воды из колонки. Ведь у нас много пустых бутылок!

– Сыграй «Металлику», – предложила Рита, взяв три бутылки с подмигивающими этикетками и исполнив желание именинницы. Димка дважды просить себя не заставил. Самая знаменитая композиция легендарной группы всем пришлась по душе. Мажорная хулиганка Танька, всегда ходившая в драных джинсах и босиком, дёргала башкой, как заправский рокер. Дашка – дочь агронома, благоговейно курила «Кент», следя, чтобы пепел не сыпался на подаренные отцом английские туфли. При этом она, конечно, не забывала красиво выгибать кисть, поднося к губам сигарету, и томно щуриться на фонарь, белевший у церкви. Алёшка, сидя бок о бок с Ритой, лапал её с предельной степенью романтичности, и не менее романтичным было сопротивление: ахи, охи, мат – только шёпотом. Один Витька бездействовал. Впрочем, он зеленел. Ему нездоровилось – старший брат накануне праздновал свадьбу. С верхних полей, которые окружали кладбище, дул пронизывающий ветер. Финал мелодии слился с мощным его порывом. Когда последний флажолет смолк, Алёшка, словивший от Риты по лбу, проговорил:

– Так и не поймала Ритка линя! Поэтому злая.

– Зачем ей линь? – удивилась Танька. – Её что, дома не кормят?

– Линь нужен Ритке вовсе не для того, чтоб его сожрать, – объяснила Дашка. – Он нужен ей для того, для чего Раскольникову нужна была бабка-процентщица. Она хочет Наполеоном стать.

Все расхохотались, включая Витьку с Алёшкой, которые половину произнесённых Дашкою слов слышали впервые. Длинные пальцы Димки стали выдёргивать из гитарных струн «Марсельезу».

– Ритка? Наполеоном? – переспросила Танька, сделав глоток воды. – С помощью линя? А как это будет выглядеть? И сказала Ритка Золотой рыбке: «Не хочу я быть проституткой, хочу быть Наполеоном!» Так, что ли, Ритка?

Хохот усилился. Димка ловко изобразил на первой струне сирену – дескать, всё хорошо, психиатр едет!

– Вы идиоты, – заговорила Рита, дождавшись относительной тишины. – Да, линь – Золотая рыбка. Но я не буду его ни о чём просить. Просто я – охотница по природе. Мне интересно поймать линя.

– Не ври, ты минетчица по природе, – не согласилась Танька. – Поэтому у тебя большой рот. И длинный язык. И очень внимательные глаза.

– При чём здесь глаза?

– Ну, ты и овца! Когда при минете смотришь в глаза, это обостряет.

Парни смутились. Рита задумалась, как и Дашка. Дождь вдруг усилился. Так как он стал просачиваться сквозь листья, Димка был вынужден зачехлить гитару.

– Риточка, ты не хочешь мне посмотреть в глаза? – небрежно спросил Алёшка, закуривая.

– Не хочет, – дала ответ за подругу Танька. – Нужен ты ей со своей избушкой на курьих ножках! Иди коровам хвосты крути, лаптем щи хлебай! Ритке подавай такого, как Димочка – из Москвы, из элитной школы, с двумя квартирами, с дачей…

– Ритке нужен золотой линь, – напомнила Дашка. – Пока она его не поймает, её отсюда не вытащить. Значит, ей суждено здесь сдохнуть. Так что, Алёшка, готовься к свадьбе. Ништяк! Салатику поедим!

Молодой пастух приосанился и опять потянулся к Рите. Но в этот миг прорезался голос у его друга.

– Я знаю место, где линь берёт безотказно, – просипел Витька, с трудом подняв чубатую голову, и обвёл компанию взглядом. – Там даже Ритка сумеет его поймать.

– Ага, – улыбнулась Танька, – поймала! Не слушай, Ритка, не слушай! Триппер ты с ним поймаешь, а не линя.

Опять стало весело.

– Знаю место, – упрямо повторил Витька, шмыгая носом, – и знаю, на что ловить. И знаю, когда.

– Жалко, что не знаешь, зачем, – перебила Дашка, опять начав разливать по стаканам водку. – Дебил ты, по ходу! Но у тебя хватило мозгов хотя бы в десятый класс перейти, а эта долдониха из всей школьной программы запомнила одно слово: Наполеон! Ритка, тебе сколько?

– Совсем чуть-чуть. На самое донышко.

Димка также попросил капельку. Только выпили и запили водой, с другого конца села донеслось надрывное стрекотание мотоцикла. Оно стремительно нарастало.

– Это Виталька, – сказала Дашка, глядя на пятно света, которое приближалось вскачь по бетонке, становясь ярче и расползаясь на травяные обочины, – пиво нам из Троицкого везёт.

Танька согласилась с подругой. Виталька был её бывшим парнем. Как только он, промчавшись мимо громады церкви, остановился напротив брёвен, обе девчонки к нему приблизились. Передав им сумку с несколькими бутылками пива, он развернул мотоцикл и покатил под горку на холостых. Пива оказалось более чем достаточно, так как Витьке решили не предлагать. Он спал крепким сном, завалившись набок.

– Классное пиво, – пробормотала Танька, облившись пеною. – Мы ужрёмся! Ритка, так что там с Наполеоном-то? Я не въехала.

– У тебя на правой ноге громадный паук, – спокойно сказала Рита. Быстро взглянув на свою голую ступню, стоявшую на бревне, ярко освещаемом фонарём, Танька онемела от ужаса. Прямо возле большого пальца расположилось чудовище совершенно невероятных размеров, с белым крестом на спине. Оно, судя по его неподвижности, чувствовало себя довольно неплохо. Про Таньку это сказать никак нельзя было. Если она чего-нибудь и боялась на этом свете, то разве что пауков. Но боялась до смерти. Её рот страдальчески приоткрылся, из глаз закапали слёзы.

– Девочки, мальчики, – прошептала она, страшась шевельнуться, – я умоляю, снимите его с меня! Пожалуйста, ради Бога! Мамочка! Господи, Боже мой! Я сейчас умру!

– Нашла дур, – усмехнулась Дашка, вставая. – Вдруг у него клыки ядовитые? Цапнет – смерть!

Склонившись над ступнёй Таньки, она и Рита внимательно пригляделись к страшному насекомому.

– Челюсти у него, как у бультерьера! – сказала Рита. – А интересно, он самка или самец? Говорят, что самки очень опасны.

– Чёрные вдовы, – вспомнила Дашка. – Чёрные вдовы! Такая тварь слона может уничтожить одним укусом!

Из левой брючины Таньки часто закапало, а затем полилось. Как назло – из левой, а не из правой, так что паук не видел причин менять местоположение.

– Эта дура обоссалась, – заметила Рита. – Неудивительно! Ей осталось недолго жить. Мальчики, что делать?

– Ждать, пока обосрётся, – пожал плечами Алёшка. – Тогда паук, наверное, убежит. Это птицеед.

– А он ядовитый? – спросила Рита.

– Да! Как змея. Как кобра.

Рита и Дашка стали ругать подругу за то, что та всюду шляется босиком. Дали подзатыльник. Надрали уши. Танька безмолвно глотала слёзы, глядя на паука, действительно, точно так же, как мышь глядит в глаза кобры.

– Скажите ей, чтоб не шевелилась, – предостерёг Алёшка, зевая как можно громче. – Если она шевельнётся, он испугается и ужалит.

– Да хватит вам, – не выдержал Димка. Спрыгнув с бревна, он протянул руку к белой ступне страдалицы, снял с неё опасное существо и бросил его в бурьян за руинами. – Птицеед! Какой птицеед? Обычный паук, вполне безобидный. Просто решил погреться.

– Погреться? – взвизгнула Танька так, что обе её подруги сами чуть не испортили свои трусики. – Он ужалил меня! Палец весь распух! Он красный! Смотрите!

Стали смотреть. Признаков укуса не обнаружили. Но, поскольку Танька своих стенаний не прекращала, Рита, присев перед ней на корточки, подняла её ногу, взяла якобы ужаленный палец в рот и стала сосать, чтоб удалить яд. Смешно стало даже Таньке. Дашка просто валялась. Димке пришлось отбежать в кусты. Алёшка изо всех сил пытался разбудить Витьку, но тот стал просто бревном, а сил у Алёшки от хохота было мало.

– Ни одной ранки на пальце нет, – объявила Рита, поднявшись и отплевавшись. – Вот дура!

Танька вмиг успокоилась. Поглядев на джинсы, сказала:

– Мне в таком виде домой нельзя! Надо идти в баню. Немедленно. Кто со мной?

– В какую? – спросила Рита, велев заткнуться Алёшке, который незамедлительно дал согласие.

– Как – в какую? У меня что, персональные бани есть? Конечно, в колхозную, что в овраге! Банщик сегодня её топил, вода ещё тёплая.

– Так на ней огромный замок висит!

– А Димка на что? Он любой замок отпирает гвоздиком. Правда, Димка? С нами пойдёшь? Не бойся, не изнасилуем.

– Говорите от своего имени, Портос, когда говорите подобные нелепости, – молодецки пригладив воображаемые усы, пробасила Рита. Димка, однако, её мушкетёрской прыти не испугался. Сказал:

– Пойду.

Рвался и Алёшка. Его оставили за ненужностью, поручив ему бревно-Витьку. Так вот и пошли в колхозную баню, взяв по бутылке пива, три очень пьяные девочки и интеллигентный мальчик с гитарой, который пребывал в средней степени опьянения.

Был час ночи. Дождь моросил. Деревня спала. Идя по бетонке вниз, три девушки пели звонкими голосами обычную в таких случаях песню «Виновата ли я?» Димка подпевал. Его, впрочем, было почти не слышно. Немного не доходя до спуска в овраг, где стояла баня, ночным певцам повстречались три здоровенных парня из местных – Сашка, Лёнька и Колька. Они шли вверх, грызя семечки и распространяя вокруг себя запах самогонки.

– О! Именинница! – подал голос на всё село самый здоровенный из них – Сашка Ковалёв, притиснув к груди поющую босоногую хулиганку. – А ты куда? Мы к тебе идём!

– Немедленно пошли вон! – завизжала Танька, выскользнув из его объятий. – Я из-за вас вся обоссалась!

Три парня заржали. Рита и Дашка вторили им. Их спутник с гитарою за плечами робко стоял, опустив глазёнки.

– Как – из-за нас? – спросил, насмеявшись, Колька. – Мы ведь тебя сейчас только повстречали!

– Все вы здесь пауки! – верещала Танька, топая пятками. – Волосатые, гадкие, тупорылые пауки с длинными руками! Вон! Вон! Вон! Вон!

Три здоровяка обиженно пошли дальше. Танька и её спутники завернули к колхозной бане. Она стояла возле ручья, что тёк по оврагу вдоль всей деревни, беря начало за полем, в глухом лесу, и впадая в реку. Спустились. Замок, действительно, был огромен, но против Дашкиной шпильки в Димкиных пальцах не устоял.

– Мой прекрасный юноша, вы закончите жизнь в тюрьме, – с печалью сказала Рита, медленно потянув на себя скрипучую дверь.

– В психушке, – не согласилась Танька. – Ты представляешь – он будет целый час пялиться на нас, голых, и вообще ничего не делать! Он ведь застенчивый!

– Да мы сами ему всё сделаем.

Дверь, войдя, заперли. От чугунной печки, обложенной кирпичами, шёл сильный жар. Бак с водой был тёплым. Включив в предбаннике свет, девочки разделись, ни капельки не стесняясь мальчика, и, прошлёпав к кранам, тщательно отстирали Танькины вещи. Димка, раздев лишь свою гитару, играл в предбаннике. Когда Танька с джинсами и трусами вышла и начала раскладывать их на печке, привстав на цыпочки, он скосил на неё глаза.

– Немедленно отвернись! – вскричала она, почувствовав его взгляд на своей спине и не только. – Что за наглёж? Сударыни, он таращится!

– Пусть таращится, – донеслось из банного зала. – Главное, чтоб не трогал. Если попробует прикоснуться, будет немедленно сам раздет догола!

Димка не посмел прикоснуться. Он ограничился тем, что взял с пола прутик от веника и нашёл ему очень эротичное применение. Танька взвизгнула и опять пожаловалась подругам. Те ей ответили, что руками трогать нельзя, а прутиком можно. Вдруг они вышли и попросили Димку сыграть и спеть что-нибудь весёлое, например – «Стюардессу по имени Жанна». Димка не усмотрел причин отказать. Молотя аккорды, он пел дурацкую песенку и смотрел на трёх голых девок, которые перед ним плясали и подпевали, громко визжа от глупой девчачьей радости. А потом они пошли мыться, его с собою не взяв. Он очень обиделся.

– Сиди там! – крикнули из зала. – У нас интимное дело.

– Вы лесбиянки, что ли?

– Заткнись! Сиди и играй что-нибудь печальное.

Димка начал играть «Последнюю тремолу». Три подруги, впрочем, печали не поддались, плескались предельно весело. Что-то шёпотом обсуждали. Через пятнадцать минут вышли

очень красные, прибалдевшие. Натянув трусы, уселись пить пиво. На Димку они внимания уже вовсе не обращали.

– Так почему же ты – не Раскольников? – обратилась Дашка с довольно странным вопросом к Рите. Та ей ответила:

– Потому, что он – идиот. Нельзя стать Наполеоном, убив старуху. Наполеон бы ограбил банк, а не бабку!

– А почему ты усматриваешь в нём принципы?

– Потому, что их видели современники. Его бюстик весь девятнадцатый век на каждом столе стоял – притом в той стране, с которой он вёл войну. Это говорит о чём-то?

– Реально, – сделав глоток, согласилась Танька. – Бюстиков Гитлера ни на чьих столах я не видела.

– Гитлер – мразь. А Наполеон – достойный противник. С ним воевали цивилизованно.

– Тогда хватит ловить линя, – предложила Дашка, брезгливо дёрнув мокрым плечом, – иди на медведя.

– Ну, и пойду.

Вот уж это было для Димки, что называется, через край. Двумя быстрыми движениями убрав гитару в чехол, он встал.

– Извините, дамы. Я вас покину.

Три полуголые поглядели на него так, будто уж давно пора это было сделать.

– Вон, – проронила Танька, ставя пустую бутылку на пол. – Незамедлительно!

– Прочь, – произнесла Рита. – Сию минуту!

Дашка смолчала. Но её взгляд был красноречив. Когда Димка вышел, плотно прикрыв за собою дверь, она повторила:

– Хватит ловить линя! Иди на медведя.

– Ну и пойду, – повторила Рита. – А где медведи здесь водятся?

– За рекой. Катька Ильичёва ходила туда за ягодами и слышала там, как они ревут.

– Но там – хвойный лес!

– Ну и что? Там полно малины, черники и ежевики. Медведи всё это любят.

Рита задумалась.

– Ты смотри там, не заблудись, – зевая, сказала Танька. – Из того леса многие не вернулись. Дебри кошмарные! Ты про Выселки не слыхала?

– Про что?

– Про Выселки, – без большого желания продолжала Танька, перехватив взгляд Дашки. – Деревня так называлась, которая в том лесу когда-то была. Её там давно уж нет. Кажется, с войны. А кладбище – есть. И те, кто на это кладбище набредают, обратно не возвращаются, потому что проклятое оно.

– Да ты бы заткнулась! – ни с того ни с сего психанула Дашка. – Чего городишь? Какое на хрен там кладбище? Кто тебе про него наплёл?

Танька, помолчав, почесала пятку.

– Не помню я. Кто-то, вроде бы, говорил. Тётя Нюра, кажется. А ты, …, как будто и не слыхала! Чего дурачишься?

– Тётя Нюра! – передразнила дочь агронома. – У нас в деревне их пять, и все ненормальные!

– Ну, с Романовой Слободы которая! Мы ещё за вишней к ней лазили в том году.

Дашка разразилась таким неистовым хохотом, что в той самой Романовой слободе, которая примыкала к деревне со стороны оврага, разом залаяли все собаки.

– Вот оно что! Так ты, значит, самую ненормальную из них выбрала! И нашла кому всё это пересказать! Какое-то кладбище, черти, Выселки! Твою мать! Нужен ей медведь – пусть идёт. Чего ты её пугаешь?

– Да не пугаю я! Пусть идёт.

Рита одевалась. Дашка, следя за ней, тасовала колоду карт, а Танька курила. Дождик за окном стих. Собаки умолкли, и было слышно, как об пол шлёпается вода, капая из крана. Страшная заполночная темнота привалилась к окнам, как умирающая старуха. Ох, не хотелось Рите в её объятия! Но менять решение под влиянием идиотского страха значило объявить себя идиоткой.

– Вы до утра намерены здесь торчать? – спросила она, завязывая кроссовки. Дашка, сдавая карты, сказала:

– Да. Мы ещё здесь попаримся, поболтаем. А ты одна пойдёшь в лес?

– Со Сфинксом.

– Вот ты больная! – вскинула Танька бровь. – Свинья-то тебе зачем?

– Мне свинья – для свинства.

– В смысле?

– Всё очень просто. Тебе свинья для свинства не требуется, мне – требуется.

Сказав так, Рита взглянула ещё раз пристально на подруг, уже занятых игрой, и вышла из бани.

Холод сырой и глубокой впадины, примыкавшей к реке, заставил её поёжиться. Темнота с глазами старухи даже не сочла нужным прикинуться безобидной. Но, прикрыв дверь, Рита подкралась к окошку – послушать, о чём картёжницы говорят. Те не осторожничали.

– Так я ещё и свинья, – послышался голос Таньки. – Нормально!

– А что тебя удивляет? – спросила Дашка.

– Я ведь её отговаривала, хоть ты мне мешала! Но, почему-то, в итоге – я свинья, а не ты.

– Да обо мне просто не зашла речь! У неё есть цель. Все те, кто считает эту цель странной – свиньи.

– Так значит, Сфинкс один – не свинья? – воскликнула Танька. Дашка охотно с ней согласилась. Обе заржали. Стараясь не шелестеть травой, Рита отошла от окошка и, ощутив под ногами утоптанную тропинку, почти бегом устремилась вверх, к огонькам села.

Глава седьмая

Августовские ночи много дольше июньских, особенно на четвёртой неделе. Прикинув, что до зари ещё часа два, а то и два с половиной, а то и больше, Рита решила её не ждать. Вернувшись домой через боковую калитку и чёрный ход, она обыскала нижнюю комнату. Целью этих исканий был офицерский парадный кортик Ивана Яковлевича. Рите казалось, что она видела его то ли на антресолях шкафа, то ли в столе. Поиски успехом не увенчались. Видимо, кортик всё-таки лежал в горнице наверху, где как раз и был основной, можно сказать, склад всякой всячины. Но ту комнату обыскать возможности не было. В ней спал дед. Пришлось удовольствоваться складным походным ножом. Своими размерами он не сильно уступал кортику, и убить им медведя при некотором везении было очень даже возможно. Рита, хоть линь ей не попадался, всё же считала себя везучей. Положив нож в карман, она вышла в сад, прокралась к забору и перелезла через него на домовладение тёти Маши.

Сфинкс жил в хлеву, деля его с курами, овцами и коровой Розой. Низкий рубленый хлев стоял неблизко к избе, под яблонями. Спала тётя Маша крепко, собаки у неё не было, так что Рита без опасений вошла к скотине. Та относилась к ней по-приятельски, с доверительностью тянула морды и клювы, а Сфинкс – и вовсе по-родственному. Открыв его закуток, она позвала:

– Вылазь!

Он вмиг не проснулся. Пришлось ударить его по башке лопатой. Он заворочался, хрюкнул, скребя копытцами, потом вышел – сонный, упитанный, любопытный. Ткнул пятачком в бедро – дескать, что тебе?

– Мы сейчас пойдём с тобой на охоту, – сказала Рита. Сфинкс согласился. Заперев хлев, они торопливо вышли через калитку в воротах и побрели вдоль домов, ни в одном из коих свет не горел, к реке.

Когда кончилась деревня, справа и слева стали чернеть поля, взрыхлённые после жатвы. Они стелились почти до самого берега, от которого был перекинут к другому берегу деревянный мост на железных сваях. Несколько лет назад по нему вполне можно было проехать на легковой машине, теперь идти было боязно. Поступь Риты он, впрочем, даже не ощутил, а вот под копытцами Сфинкса весь загудел, застонал, затрясся.

– Не свались в реку, – строго предупредила Рита своего спутника. – Если благодаря тебе она выйдет из берегов, медведи окажутся под водой, и мы с тобой будем вынуждены заняться рыбалкой вместо охоты!

– Хрю! – сердито отвечал Сфинкс, семеня копытцами. – Хрю, хрю, хрю!

Тон раскрывал смысл: «Ты чего городишь? До леса – никак не менее километра, и перед ним – возвышение, на котором проложена асфальтированная дорога. Как вода сможет захлестнуть лес?»

Толстячок был прав. Луга за рекой лежали привольные, и она даже в половодье не подступала к лесу вплотную. Идя по этим лугам, охотница на медведей и её розовый спутник всей широтою родственных душ упивались ночью. Небо яснело. Холодные августовские звёзды блестели из камышей и мокрой травы, как глаза русалок. Из-за огромной тучи, которая уползала, хитро выглядывал край луны.

Под крик первых петухов, проснувшихся за рекою, перевалив возвышение, на котором чернел вдоль леса большак, парочка вошла в смолистые дебри. Путь лежал по тропинке – одной из многих, пересекавших лес. Прежде чем начать этот путь, Рита пять минут отдохнула и заодно покурила, присев на широкий пень.

По хвойному лесу легче идти, нежели по лиственному – поменьше валежника и травы, побольше простора между деревьями. И с тропинки сбиться куда как легче. Так вот и сбились, пройдя всего километра два. Поняв, что произошло и что невозможно определить, где север,

где юг – на небе сияло всего лишь несколько звёзд, Рита не встревожилась. Ей ведь было до глубины души всё равно, куда направляться! Сфинксу – тем более. Побрели они дальше уже без всякой тропинки, весело напевая и бодро хрюкая. И застал их в лесу рассвет – холодный, сырой. Почти что осенний. К счастью, На Рите была неплохая куртка, а её друг имел неплохой слой жира.

Заря занималась вялая. Не иначе – всю ночь пила, беря пример с Риты. Угрюмы были её глаза. Не заря, а ведьма встала над лесом! Солнце вконец испортило настроение, внеся ясность в происходящее. Не опасность встречи с медведем обескуражила Риту, как это произошло бы с любой другой протрезвевшей девочкой, а её маловероятность. Кругом стеной стояла тайга, иначе не скажешь. Как его сыщешь в этаких дебрях, медведя-то? Он ведь не идиот – выходить на битву с Наполеоном! Кутузов, помня разгром под Аустерлицем, осмелился это сделать только после того, как Наполеон израсходовал половину сил, пройдя пол-России. Очень возможно, что и медведь решил его вынудить прошагать половину леса. Взглянув на Сфинкса, Рита спросила его, согласен ли он принять правила игры, навязанные врагом. Сфинкс не возражал. Более того – он вдруг побежал вперёд, подбадривая попутчицу, уже несколько утомлённую четырёхчасовой прогулкой.

Солнце уже стояло над соснами. Миновав поляну, потом – лощину, до дна заросшую ёлками, а затем перейдя ручей, друзья набрели на очень густой малинник. В нём, разумеется, задержались. Ягод на каждой ветке висели россыпи – обожраться! Сфинкс отдавал им должное с такой страстью, что даже ушки поджал и перестал хрюкать. Но Рита всё же опережала его, благодаря росту и двум рукам. Ей вспомнились вдруг слова – не то из какой-то книжки, не то из фильма: «В раю – малина сочная, сладкая!» Здесь был рай. Совершенно точно.

Но выходило так, что по мере наполнения животов и райские кущи редели, и ощущения притуплялись. А уж когда за малинником вдруг открылось поле, дальний край коего, примыкавший к ельнику, был покрыт высоким бурьяном, а ближний – устлан надгробиями, на память пришли другие слова: «Кладбищенской земляники крупнее и слаще нет». Они, безусловно, наелись не земляники. Малины. Но очень крупной, сладкой. Кладбищенской.

Риту вырвало, Сфинкса – нет. Пока этот поросёнок завистливо убеждался в том, что ей удалось сожрать в несколько раз больше, она с кружащейся головой поплелась взглянуть на могилы. Что её повлекло туда? Глупый страх, который внушила Танька. Ведь, по её словам, ни один из тех, кто увидел кладбище в этом самом лесу, домой не вернулся! И для того, чтобы возвращаться домой достойно, необходимо было расправиться с этим страхом, против которого даже яркое солнце на чистом голубом небе было беспомощно.

Кроме пары крестов, чудом не успевших сгнить до конца, признаками кладбища оставались одни лишь камни, лежавшие на земле, вросшие в неё. Они были плотно оплетены травой, облеплены мхом. Издалека – кочки, а не надгробные памятники. Достав из кармана нож, Рита опустилась перед одним из камней на корточки, чтобы счистить живую природу с мёртвой и прочесть надписи. До сих пор ни разу не доводилось ей спасать смерть от жизни, как и наоборот. Однажды она бросилась к собаке, попавшей под мотоцикл, однако та умерла мгновенно. Смерть спасать проще. Смерть не умрёт.

Но это была иллюзия. Да, трава легко разрезалась и мох легко отходил, но дальше ждало разочарование. Ни малейших следов какой-либо информации на проклятой глыбе не обнаружилось. Одна каменная поверхность – шероховатая, серая, ледяная. Буквы и цифры от времени раскрошились. Видимо, камень хранил покой гниющих костей не век и не два. Выпрямившись, Рита бросила взгляд на его собратьев, пытаясь определить, который из них свежее. Одно надгробие показалось более ровным, чем остальные. Видимо, на нём было поменьше мха. Повернувшись к Сфинксу – не убежал ли – но даже не поглядев на него, а в тот же миг снова о нём забыв, направилась Рита к тому надгробию. На глаза ей струился пот, потому что солнце пекло уже, да и сердце прыгало, как на углях.

Нож распорол мягкую зелёную оболочку и скрежетнул по камню. Мха, точно, было немного. Тщательно соскоблив его, Рита обмахнула камень рукою, и – прочла то, что было на нём написано. Сперва надпись вызвала у неё смешок. Но не истеричный, а саркастический – дескать, о! Пивко после водочки! Поморгала. Пребольно дёрнула себя за ухо. Сдула с камня соринки – глядишь, ещё что-нибудь откроется! Не открылось. И, оторвав глаза от каменных букв, Рита зарыдала.

Солнышко! Где ты, солнышко? Где лучи твои, которые прогоняют дурные сны навсегда и дарят тепло счастливого пробуждения? Где ты, ветер, усиливающий не только ночную жуть, но и безмятежность летнего дня? И где же ты, лес, который манил, кружил, очаровывал? Почему по спине скользят пальцы холода? Почему из-за каждой ёлочки кто-то смотрит? Кто-то один? Слёзы часто падали и катились ручьями вниз – надгробие было наклонено. Это были слёзы такой непреодолимой тоски, такой лютой муки, что уповать даже и на смерть казалось бессмысленным. Он, конечно, сильнее смерти – тот, кто один глядит из-за каждой ёлочки. От него её не спасёт никто. А Сфинкса? Где Сфинкс?

Вновь случайно вспомнив про своего храброго товарища, разделившего с ней несчастье, Рита сморгнула слёзы с ресниц, и, скосив глаза на малинник, поднялась на ноги. Только этого ей ещё не хватало! Да, только этого! Господи, почему именно сейчас, когда нет ни сил, ни смысла? Что за насмешка?

Из зарослей выходил медведь. Да, да, самый настоящий бурый Топтыгин! Ровно такой, каким она его представляла: вот косолапость, вот шерсть, вот когти, каждый – как её нож, вот страшная пасть! Зверь двигался, соответствуя своему сказочному образу, на двух лапах, и переваливался, свирепо глядя по сторонам. Он искал врага, который посмел проникнуть в его владения и взглянуть на его малинник. Этим врагом была не она, не Рита. Встретившись с нею глазами-бусинками, хозяин леса не счёл, что она заслуживает внимания. Задрав морду, стал нюхать воздух. Глядя на этого великана, о быстроте и силе которого ходит столько легенд, Рита подсознательно уцепилась за его сказочность. А за что ей было ещё цепляться? Она воскликнула:

– Миша! Мишенька, помоги! Защити меня! Он – вон там, за ёлками! Прогони его, Миша! Я прикачу тебе бочку мёда!

– Ритка! – вдруг донеслось откуда-то из-за сосен рядом с малинником. – Ритка, где ты? Откликнись!

Голос принадлежал мальчишке и был как будто Рите знаком. Но она решила не отзываться, ибо медведь, услышав её мольбы, громко заревел, и, встав на четыре лапы, двинулся к ёлкам – грозный, большой, стремительный. Кто бы смог ему противостоять? И вернулось солнце. Вернулся ветер. Вернулся лес. Вернулась свобода. Вернулось всё. Таинственный враг исчез! Медведь отогнал его. Да и сам, забыв сказать Рите, куда катить бочку с мёдом, скрылся за ёлками.

Сложив нож и сунув его обратно в карман, Рита поглядела туда, откуда кричали. К ней через поле мчался светловолосый парень с ружьём – кажется, с короткой винтовкой. Это был Димка. За ним скакал поросёнок. Это был Сфинкс. Оба были взмылены. Задыхались.

– Где он? – проорал Димка шагов за сто. – Он тебя не ранил? Ты цела?

– Кто? – не поняла Рита. Слёзы ещё текли по её щекам, и ужас во взгляде ещё стоял, но с каждой секундой таял, будто туман над рекою после зари. Приблизившись, Димка бросил по сторонам воинственный взгляд, повесил ружьё – а это и в самом деле был карабин, на плечо и взял Риту за руки. Она слабенько улыбнулась, хоть было ей не очень приятно прикосновение его рук, больших и горячих, к её рукам – болезненно-белым, ледяным, тонким. После того, что случилось, ей не терпелось побыть одной. Сфинкс, видимо, это понял, так как остановился, не добежав. А Димка не понимал.

– Да как кто? Медведь! Я слышал, как он ревел! И слышал, как ты кричала. Куда он делся-то?

– Ушёл в лес. А ты-то откуда взялся?

Он, продолжая стискивать её руки, сбивчиво объяснил, что Таньку и Дашку перед зарёй погнали из бани за слишком шумное поведение, они тут же на всю деревню стали орать, что Ритка попёрлась в лес с медведями трахаться, ну и как ему было не устремиться её спасать с отцовским ружьём?

– Иду по тропинке, и вдруг ко мне выбегает Сфинкс, перепуганный, – завершил свой рассказ скрипач. – Меня увидал – затрясся, захрюкал, рылом в ногу затыкался: бежим, дескать! Ну, я пошёл за ним. И вдруг слышу издали – ты орёшь! А потом медведь как взревёт! А дальше ты знаешь.

Он ещё раз покрутил башкой.

– А это что, кладбище? Да? То самое, проклятое? Здесь раньше была деревня? Вон там, наверное, где бурьян?

– На это взгляни, – указала Рита движением головы на второй отчищенный ею надгробный памятник. Вырвав руку, Она поспешила в кустики. Сфинкс, который, как оказалось, лишь притворялся скромненьким, потащился следом за нею. Пока юный музыкант разглядывал камень, хрюкающий наглец разглядывал её задницу, за что после получил в рыло. Солнце уже стояло на середине неба.

– Ну, как? – поинтересовалась Рита, вновь подойдя к могиле. Димка, сидя на корточках, изучал надгробие через увеличительное стекло, которое постоянно носил в кармане.

– Да, любопытно.

– И это – всё, что ты можешь мне сообщить?

– Вот странный вопрос! Я что тебе, справочное бюро?

– Нет. Но ты умный мальчик.

– Умные люди как раз тем и отличаются от всех остальных, что знают не всё.

С этими словами Димка поднялся, и, убрав лупу в карман, поправил ружьё на плече.

– Через двадцать лет мне будет всего только тридцать пять! – воскликнула Рита. – Маму в тридцать пять лет называли девушкой! И я буду выглядеть так же.

– Вряд ли. Ты куришь.

Рита немедленно закурила.

– А мне будет тридцать шесть, – продолжал скрипач. – Целых тридцать шесть! Но меня и в двадцать не будут называть мальчиком.

– Как не будут? Ты ведь не куришь!

– Но я играю на скрипке.

– А разве это так вредно?

Ответа не было. Сняв с плеча карабин, Димка огляделся по сторонам.

– Как бы косолапый опять сюда не пожаловал! Он ведь наверняка считает эту малину своей.

– Не смей его убивать! – запротестовала Рита. – Это бессмысленно, ты же знаешь!

– Я никого убивать и не собираюсь. Наоборот. Отойди подальше! От камня может отрикошетить.

Рита пинками погнала Сфинкса к кустам. Когда они отошли шагов на пятнадцать, сзади раздались выстрелы. Каждый выстрел сопровождался писклявым звоном свинца о камень. Из чащи волнами шло раскатистое и гулкое эхо. Вернувшись, Рита увидела, что от надписи на надгробии и следа не осталось. Четыре пули отколотили от камня целую россыпь крошева. Карабин был мощным. С таким, подумалось Рите, точно не страшно и на медведя.

– Теперь мы можем идти, – сказал музыкант, вешая ружьё на плечо. – Или для начала тебе про скрипку ответить?

– Я всё сама поняла, не дура! Уже года через три тебя перестанут называть мальчиком, потому что всё человечество будет знать твоё имя.

Они пустились в обратный путь. Идти было жарко, и Рита куртку сняла. Осталась в футболке. Сфинкс успевал собирать грибы – конечно же, не в корзину, а в свой живот. Грибов была тьма – маслята, боровики, сыроежки, рыжики. Он искал их под ёлками и у пней, ловко подлезая под буреломины. Рита молча смотрела под ноги. Димка также долго молчал, косясь на попутчицу. Вдруг спросил, когда одолели уж полдороги:

– Ты всё психуешь из-за надгробия?

– Я овца, что тебе его показала, – проговорила Рита, подняв глаза и оглядев бор, сквозь который шли. – Просто дура! Мне нет прощения.

– Дура – да, – согласился Димка. – Но поступила ты правильно. Если б я эту гнусность не уничтожил, она бы тысячу других дур довела до слёз, а то и до психбольницы.

– Ты – как мой дед! – пришла в ярость Рита. – Ах, мы не верим в мистику, даже если мистика бьёт нас по лбу! Лоб весь разбит, а мистики нет! Прекрасно! Зато мы – самые умные и циничные!

– А где мистика? Я реально её не вижу. Если ты видишь, то скажи, где! Камню много лет…

– Ты лучше заткнись, – перебила Рита. – Можно подумать, что ты ни капли не испугался! Ты был весь бледный, я видела. Да, надгробию много лет, ну и что с того? Таких совпадений, Димочка, не бывает!

– Пусть Иван Яковлевич тебе объяснит как можно подробнее, что такое теория вероятности, – начал вдруг горячиться Димка. – Он это сделает в сто раз лучше, чем я! Если ты права – большое тебе спасибо. Каждый отдал бы всё за то, чтобы знать, когда он умрёт. Я благодаря тебе узнал это даром. Кстати, где Сфинкс?

– Да вон, за сосной. Не бойся, он не отстанет. Димочка!

– Что?

– Зачем ты так меня мучаешь?

– Я?

– Конечно! Ты издеваешься надо мной! Ведь благодаря мне ты умрёшь через двадцать лет! И ты мне ещё говоришь какую-то глупость – вместо того, чтобы сжалиться надо мной и сказать, что ничего страшного? Урод! Хам!

С этими словами Рита остановилась и разревелась. Димке пришлось её успокаивать, получая новые обзывательства и удары.

– Немедленно прекрати истерику! – крикнул он, схватив её за руки. – Двадцать лет – это большой срок! Если бы не ты, я, может быть, умер бы через десять! Или через неделю. Автомобильная катастрофа, туберкулёз, кирпич на башку…

– Кирпич на башку просто так никому не падает! – продолжала беситься Рита. – Не падает! Никогда! Если бы не я, ты умер бы стариком!

– Да иди ты в жопу! Я не хочу доживать до старости.

– Почему? Умереть никогда не поздно.

– Вот это бред! Как раз с этим делом очень легко опоздать. Только мудаки стремятся к тому, чтоб сдохнуть как можно позже, делая жизнь своих близких невыносимой. Стремиться надо к тому, чтобы сдохнуть вовремя!

– Это мысль, – заморгала Рита, мгновенно перестав плакать. – Ты сам додумался до такого?

Димка был горд.

– Невелика мудрость.

– А как узнать, что время пришло?

– Ты всё уже знаешь.

Этот ответ окончательно успокоил Риту. В последний раз сказав Димке, что он – дурак и трамвайный хам, она соблаговолила продолжить путь.

Уже на закате, который всё окрасил в розовый цвет, они выбрались из леса, пересекли большак, и, еле волоча ноги, через луга побрели к реке. Устал даже Сфинкс, изначально розовый и благодаря закату ставший лиловым. Когда ступили на мост, Рита предложила:

– Может быть, искупаемся?

– Где?

– На Камешках. Димочка, ну пожалуйста! Я вся потная.

Димку так умолять совсем и не нужно было. Он, как все парни, люто завидовал дураку Алёшке, с которым Рита порой шастала купаться и так бесилась в воде, что визг достигал села, где все начинали орать друг другу из окон: «Внучка Ивана Яковлевича купается!»

Камешками прозвали галечный пляж между высоченным обрывом и устьем маленького ручья, втекавшего в реку. Там, к счастью, не было никого. Поплавав без визга, Димка и Рита схватили вещи свои и вместе со Сфинксом, который в силу своей свинячести лишь попил, взошли на обрыв. Он дыбился над рекой головокружительно. Загорались на небе звёзды. Сфинкс сразу лёг и уснул. Трава была очень мягкая и высокая. Когда Рита стянула с Димки трусы, он вдруг заробел. Она поняла: мальчишка, даром что умный! Надо учить.

Глава восьмая

В полночь на Камешки притащились три восхитительные особы, равных которым во всей округе никогда прежде не было: Танька, Дашка и Вика. Вике было семнадцать. За нею бегало ещё больше мальчиков, чем за Ритой, и она вила из них верёвки. Танька и Дашка, хоть были на год постарше, видели в ней весомый авторитет. Начали особы с того, что, расположившись в паре десятков шагов от свиных ушей, торчавших из зарослей, выпили самогоночки, похрустели только что выкопанной за чужим забором морковкой, и, сняв с себя абсолютно всё, ринулись купаться. От их купания по реке пошли волны и Сфинкс повёл одним ухом. Но не проснулся. Выйдя на берег, девушки хорошенько растёрли одна другую розовым полотенцем, сели на покрывало и вновь забулькали самогонкой. Закуской им послужили на этот раз бутерброды. У Димки с Ритой, которые ничего не ели вот уже сутки, от запаха колбасы закружились головы. Но, поскольку им интересно было послушать, какой будет разговор, они продолжали лежать не двигаясь. Сфинкс, который во сне похрюкивал, создавал для них некоторую опасность быть обнаруженными. По счастью, голые девки не говорили – орали, смолкая довольно редко. И ненадолго.

– Да, меня задолбала эта деревня! – орала Дашка, сидя на пятках между двумя подругами, что лежали ничком, белея округлостями. – Мой дядя – правда, двоюродный, той весной квартиру купил в ближнем Подмосковье, чуть ли не в Долгопрудном! К нему попробую подселиться. Почему нет? Он мне всё же дядя, не хрен собачий! И, может быть, даже лучше, что не родной, а двоюродный.

– А Алёшку с собой возьмёшь? – проорала Танька, взмахивая ногами так, будто звёзды жгли ей подошвы.

– На хрен Алёшка мне? – удивилась Дашка. – Я чего, дура?

– Так вы же с ним пожениться вроде хотели!

– Прикалываешься, что ли? Он Ритку лапает! И его быки пытаются забодать!

– Да Ритка уж послезавтра в Москву уедет, если её медведи в лесу не схавали! А быки, вообще, при чём?

– По-моему, это ревность.

– К Ритке?

– К коровам! Хотя, возможно, и к Ритке. Если она к соседскому поросёнку лазит через забор по ночам, хрена ей с быками не кантоваться?

Танька заржала так, что Сфинкс сквозь глубокий сон навострил оба уха сразу. Вика, грызя соломинку, проронила:

– Ритка, бесспорно, даёт Алёшке. А вот коровы вряд ли ему дают! У них есть мозги.

Это замечание рассмешило Таньку ещё сильнее. Дашке оно также пришлось по сердцу. Но она всё же прибавила:

– Если у коров есть мозги, то и у быков они, значит, есть. Отсюда вопрос: на хрена им Ритка?

– Мозгам?

– Нет, быкам! С мозгами её всё ясно.

– С быками тоже всё ясно. Ритка им сзади напоминает корову.

Танька уже хрипела, комкая пальцами покрывало и молотя по нему ногами. Дашка обозначала восторг немногим менее бурно. Когда чуть-чуть успокоились, Вика вновь наполнила маленькие стаканчики самогонкой. Выпили. Закусили.

– А Димка-то как помчался её спасать! – заорала Танька, щёлкая зажигалкой. – Ружьё схватил! Да я, говорит, сейчас всех медведей перестреляю на хрен!

– Как бы он заодно быков не перестрелял, – усмехнулась Вика. – Тоже дурак! Вот деда её мне жалко. Такой отличный старик! Вы помните мой «Зенит»?

– Фотоаппарат?

– Да. Я на это лето его сюда не взяла. Надоело фоткать. А год назад он, помню, сломался. Отец смотрел, дед смотрел, потом дядя Миша, доктор наук, стал его развинчивать – ничего не могут понять! Понесли к Ивану… как его… Яковлевичу. Тот взял, да и починил!

– Да что фотоаппарат? – опять разоралась Дашка. – Он трактор нам ремонтировал! Прикинь? Трактор! Муж тёти Маши и главный механизатор гаечные ключи ему подавали! Он самолёты может чинить! Всю жизнь этим занимался. А внучка, дура, в гроб его вгонит! Где она, сука, шляется? Он весь день сердечные капли пил. Вечером хотел идти за ней в лес. Еле удержали! Соседи вместо него пошли, Борька с Петькой.

– Эти найдут, – опять покачала ногами Танька. – Бутылку они найдут! Да под куст завалятся!

– Так ведь Лёнька с Колькой тоже пошли! Сашка Ковалёв собирался. И Юрка, вроде. А Пашка Мальцев с утра прямо бродит по лесу!

– Тёти Машин деверь?

– Конечно. Но он пошёл поросёнка больше искать, чем Ритку. Они ведь думают, Ритка его с собой потащила в лес.

– У этой шизоидной скотоложницы ума хватит! Виктория, наливай.

Виктория налила. Перелили в глотки. Заели. Чиркнули зажигалками.

– Кто бы мне объяснил, ну что в ней Алёшка нашёл такого? – не унималась Дашка, пуская дым. – Ну, москвичка. Ему-то с этого что? Он думает, внучка Ивана Яковлевича пойдёт замуж за дурака, который умеет только кнутом махать? Размечтался!

– Он уже видит себя в московской квартире, перед компьютером, в мягких тапках! – прыснула Танька, вновь замахав нижними конечностями. – Козёл! Но жалко его.

– Пожалели бы, – предложила Вика, зевая. – Взяли бы вместе да пожалели.

Танька и Дашка уставились на неё растерянными глазами. Смотрели долго. Бросив окурки в реку, переглянулись.

– Да как? – спросила вторая.

– Откуда я знаю, как? Не я, ты с ним трахалась целый год! Вы сами коровы, что ли? Обеим по восемнадцать уже исполнилось, и не знают, как! Может быть, мне к вам его притащить, штаны с него снять, поднять и засунуть?

– Я не об этом! – вскричала Дашка. – Он ведь, дурак, всё расскажет Ритке!

– Наверняка, – согласилась Танька. – А у неё порой крышу сносит. Помнишь, она за Ромкой Фроловым с ножом гонялась, когда он щенка избил?

– Ой, дуры вы, дуры! Алёшка её боится так же, как вы. Ничего не скажет. Ну что, позвать его? Говорите!

– Да как ты его сюда позовёшь? – вконец растерялась Танька.

– Да очень просто. Свистну особым свистом, и он примчится! Правда, не только он. Другие мальчишки прибегут тоже. Но мы прогоним их, а его оставим. Готовы?

– Он уже спит, – возразила Дашка, – ему вставать на заре!

– Ничего, проснётся. И побежит, натянув штаны задом наперёд! Уж я его знаю.

– И у нас будет групповой секс?

– Конечно. Ещё какой! Только без меня. Я буду руководить процессом, так как иначе выйдет не секс, а нудное скотоложество. Вы готовы, дуры? Свистеть мне?

Дуры, поколебавшись, выразили согласие. Их подруга, отправив окурок в плавание, неспешно и иронично поднялась на ноги, чтобы свистнуть как можно громче. Однако, Рите видеть провинциальный групповой секс под луной совсем не хотелось. Не спросив Димку, который, вполне возможно, горел желанием поглядеть, она со всей силы двинула Сфинксу

пяткой в пятак. Сфинкс мигом проснулся и, моментально почуяв великолепные бутерброды, с дружеским хрюканьем устремился к трём голым сплетницам.

Ой, что тут началось! У Вики весь воздух, набранный в рот для свиста, вышел с прескверным звуком через другое место.

– Кабан! Кабан! – душераздирающе завизжали Танька и Дашка, вскакивая, а лучше сказать – взлетая. Дальше никаких слов уж не было, один вой на высоких нотах. Он послужил восхитительным аккомпанементом сверканию голых пяток и голых задниц, стремительно удалявшихся от реки. На кочках и бугорочках прелестные тела девушек незначительно воспаряли, будто у них на миг отрастали крылья. Достигнув вяза, который рос около колодца, перед дорогой, три барышни с обезьяньим проворством и поросячьим визгом вскарабкались на него и расположились все на одном суку. Других, достаточно прочных, на стволе вяза в пределах их достижимости не было. Свесив ноги, они притихли, так как боялись привлечь внимание кабана. Через три минуты подошла Рита, одетая и серьёзная.

– Что это вы здесь делаете? – поинтересовалась она, встав под тремя парами голых ног, болтавшихся в воздухе. Ей наперебой объяснили, что у реки – кабан, который набросился.

– У реки? Кабан? – спокойно переспросила она. – Вы в этом уверены?

– Да, уверены! – с раздражением отвечала Вика. – Мы ведь не идиотки! Если не хочешь, чтоб он тебя разорвал, быстро лезь сюда!

– Да куда – сюда? – заорала Дашка. – Сук четверых не выдержит! Он сломается, и кабан нас всех разорвёт!

Танька согласилась с дочерью агронома. Кроме того, она порекомендовала Рите срочно бежать в деревню. Рита, однако, не поспешила воспользоваться её полезным советом.

– А что это вы там делали, у реки, в таком голом виде? – осведомилась она.

– Да какая разница, что мы делали у реки? – вконец разозлилась Дашка. – Ты о себе бы лучше побеспокоилась! Тебя вся деревня ищет вторые сутки! Твой дед сердечные капли пьёт! И Димку все ищут. Ты его там не видела?

– Где?

– Откуда мы знаем, где ты была?

– Конечно же, у медведей! Быки меня уже не удовлетворяют. А Сфинкс процессом руководил, чтоб не было нудного скотоложества. Свиньи любят руководить. Но я и не знала, что некоторые из них умеют свистеть! Кстати, почему вы не допускаете мысли, что к вам сейчас подбежал не кабан, а Сфинкс? Ведь если я здесь, он должен быть где-то рядом.

Ответом Рите был дружный хохот и объяснение, что Сфинкс – розовый, небольшой, а напал огромный, чёрный, клыкастый, с огненными глазищами.

– Даже с огненными глазищами? Любопытно.

Справа от вяза были густые заросли. Рита к ним подошла. Достав из кармана нож, а также платок, чтоб защитить руку от волдырей, она быстро срезала три высоких стебля крапивы, после чего вернулась к трём парам великолепных ног, очень аппетитно белевших под придорожными фонарями.

– Задницы свесили, стервы! Быстро! Не то я вас в один миг на землю спущу.

– Ты что, идиотка? – взорвалась Танька. – Мы тебе объяснили – здесь, рядом, бродит кабан! Ты, …, хочешь быть растерзанной?

Дашка стала ругаться и угрожать Рите избиением.

– Вашу мать, – усмехнулась Вика. – Вы что, ничего не поняли? Ей медведи, наверное, не понравились. Она хочет, чтобы кабан удовлетворил её!

– Вместе с вами.

И, подняв стебли, охотница на медведей ласково провела ими по голым пяткам своих разгневанных собеседниц. Снова раздался визг. Отчаянно заболтав ногами с риском свалиться, подружки стали умолять Риту не быть такой идиоткой.

– Если мы упадём, сюда прибежит кабан! – простонала Вика, задрав модельные свои ноги на максимально возможную высоту. – Он всех нас убьёт! Зачем тебе это надо?

– Задницы свесили, – без эмоций, но в высшей степени убедительно повторила Рита, опустив стебли. Что было делать? Три сплетницы, матерясь, подались назад и сели на ляжки, позорно свесив над Ритой голые ягодицы. Ногтями им пришлось уцепиться изо всех сил за сук, чтоб не опрокинуться. Засмеявшись, Рита стала их сечь крапивой по широко раздвинутым задницам, объясняя правила вежливости и вежливо обращаясь к ним по имени-отчеству. Танька с Дашкой, взвизгивая при каждом хлопке, уверяли Риту, что не всерьёз её называли дурой и зоофилкой.

– Я ведь не говорила, что ты – корова, Риточка! – щебетала Виктория Александровна, получая больше подруг. – Нет, ни в коем случае! Я имела в виду, что ты на неё похожа! Совсем чуть-чуть! Не больше, чем я! Даже ещё меньше!

– С ума сойти, – восхитилась Рита, не прекращая стегать. – Оказывается, крапива – трава волшебная!

Она так увлеклась, что даже и не заметила трёх парней, которые подошли к колодцу со стороны деревни и наблюдали, остолбенев возле фонаря. Это были Алёшка, Витька и Вовка – ещё один местный житель. Три безобразницы обратили на них внимание Риты. Та отшвырнула крапиву, так как уже устала ею размахивать и внимать глупым оправданиям.

– Мальчики, там кабан, – сообщила Вика, закатывая глаза. – Мы влезли на дерево от него! А Ритка…

– А Ритка достала вас и на дереве, – перебила Рита. – Она и на облаках вас достанет, если вы ещё раз её оскорбите или обидите! Мальчики, вы пришли сюда заниматься групповым сексом?

– Нет, – пробормотал Витька, не отрывая взгляда от голых девок, которые начинали уже кривляться, поскольку больше заняться им было нечем. – Мы это… мы услыхали отсюда крики! Ну, и пришли.

– Вы отлично сделали. Вас здесь ждали для виртуозного секса. Надеюсь, он состоится. Слезайте, девочки! Кабана на берегу нет.

Но девочки не решались слезть.

– Отвали, – опять осмелела Вика, ёрзая на суку. – Нам и здесь неплохо!

Тут из-за бугорка, который примыкал к берегу, показались двое – Димка с ружьём и Сфинкс, успешно сожравший все бутерброды. Под изумлёнными взглядами трёх парней у колодца и трёх девчонок на дереве эта странная парочка и присоединившаяся к ним Рита пересекли бетонку и побрели к деревне задами. Вскоре им вслед зазвучал отборный мат с дерева и нахальный смех от колодца.

Глава девятая

Иван Яковлевич не спал. Ему нужно было хоть чем-нибудь заниматься, чтоб не так сильно болело сердце. Сидя за небольшим верстаком в сенях, он при ярком свете настольной лампы пил слабый чай и перебирал карбюратор, тщательно промывая его детали в баночке с растворителем. Во втором часу ночи послышался скрип ступенек чёрного хода. Потом дверь чуточку приоткрылась, и вошла Рита. Лучше сказать, вскользнула. Да как-то наполовину, одной ногой оставшись снаружи. Не выпуская кованой ручки двери, она застыла с краснеющими щеками. Внучка и дед внимательно посмотрели в глаза друг другу, после чего Иван Яковлевич вернулся к своей работе. Но его руки стали дрожать. Взглянув на них, Рита с ужасом поняла, что она наделала. Но молчала.

– Где поросёнок? – сухо спросил отставной военный, вытерев одну руку тряпочкой и взяв чашку.

– Я запустила его во двор к тёте Маше, через калитку. Он убежать оттуда не сможет. Будет бродить себе вокруг дома. Утром его заметят.

Старик кивнул и сделал глоток.

– Время очень позднее. Иди спать.

– А ты спать не будешь?

– Буду, но не сейчас. Я должен закончить.

Вот это было самое страшное. Когда-то очень-очень давно, будучи совсем маленькой, Рита слышала, как Иван Яковлевич сказал кому-то, что опасается умереть во сне. Значит, у него болит сердце. Но говорить было больше не о чем. Подойдя к холодильнику, Рита вынула из него колбасу и сыр, взяла с полки хлеб, и, пожелав деду спокойной ночи, спустилась в нижнюю комнату. Там был Димка. Приставив ружьё к комоду и сняв ботинки, он крепко спал на диване, лицом к стене. Рита растолкала его и соорудила целую дюжину бутербродов. Умять их все для оголодавшей парочки было делом пяти минут. Потом Рита тихо, делая, как заика, долгие перерывы между словами, пересказала разговор с дедом.

– А почему ты не объяснила ему, зачем потащилась в лес? – удивился Димка.

– Да потому, что он не спросил. Он сам говорил мне тысячу раз, что незачем отвечать на несуществующие вопросы.

– На несуществующие или на не заданные?

– Отстань, – разозлилась Рита. – Мы сами как-нибудь разберёмся, ладно?

Димка не возражал. Но, попив воды из графина, он заявил, что должен идти домой. И ушёл. Рита не удерживала его. Ей очень хотелось спать. Уснула она при свете – не потому, что боялась, а потому, что не было сил тащиться до выключателя. Их остатки ушли на то, чтоб раздеться.

Проснувшись после полудня, она сперва покурила, а уж потом увидела за окошком яркое солнышко и услышала птиц, которые пребывали в праздничном настроении. Они пели и щебетали по всему саду. Рита оделась и хорошенько умылась из рукомойника в огороде. На небе не было даже лёгкого облачка. Синь слепила глаза, бескрайняя и бездонная. Сделав в комнате ещё парочку бутербродов, Рита лениво съела один, и, жуя второй, отправилась поглядеть, что делает дед.

Иван Яковлевич был занят починкой крыши со стороны дороги. Расплавив в ведре гудрон, он мазал им стыки между рубероидными листами вокруг трубы. Тётя Маша, стоявшая за забором, снова о чём-то его просила. Увидев Риту, она приветливо улыбнулась ей.

– Добрый день, Ритуля! Как поживаешь?

– Здравствуйте, тётя Маша. Всё хорошо. А как вы?

– Да тоже неплохо. Есть у меня отличная новость. Мой поросёночек прибежал обратно домой!

Рита, как смогла, сделала лицо похожим на блин. Всплеснула руками.

– Вот счастье-то! Я от всей души поздравляю вас, тётя Маша!

– Спасибо, Риточка. Представляешь – калиточку сам открыл, а потом закрыл! И бегает, хрюкает! Я на радостях его даже расцеловала, будто сынка. С праздником поздравила. И тебя поздравляю с пресветлым праздником, моя девочка!

– И вас также с праздником, тётя Маша, – ещё обильнее растеклась Рита липовым мёдом добрососедства. – А что за праздник-то нынче? Что-то я, грешным делом, запамятовала!

– Успение Пресвятой Богородицы! Большой, светлый, престольный праздник. Мы всем краем села соберёмся нынче у Ильичёвых, песни попеть. И Ивана Яковлевича зовём. Он песен-то знает столько, что хватит на целый вечер! Придёте ведь, Иван Яковлевич?

– Приду, Машутка, приду, – отвечал старик с высоты. – Крышу долатаю, картошку выкопаю, умоюсь, да и приду. Очень много дел. Послезавтра едем уже домой.

– Так ждём, Иван Яковлевич! И Риточку ждём.

Поцеловав Риту поверх забора, соседка быстро ушла. А Рита осталась. Она хотела присесть на багажник «Волги», стоявшей возле терраски, но тот был очень горячим. Чтобы не перегреться таким же образом, Рита через калитку вышла к дороге, где была тень от большого дерева. Задрав голову, наблюдала она за дедом Иваном. Тот, как всегда во время работы, что-то вполголоса напевал. Он любил Успение. Этот праздник был первым вздохом после тяжёлых летних работ в селе – ведь он совпадал с концом сбора урожая. А Рита больше любила Троицу, потому что это был праздник начала лета, когда каникулы – впереди. Кроме того, песни, которые пели бабы на Троицу, ей казались более мелодичными. На любой православный праздник у них имелись свои особые песни, весёлые и печальные. Начинали их петь на вечерней зорьке, заканчивали к полуночи. Душа плакала оттого, что все эти песни, пришедшие из глубин минувших веков, теперь уходили в небытие, так как исполнительниц оставалось меньше и меньше. Ещё лет пять, и конец. Песни умирали вместе с деревней.

Две девочки и малыш из дома напротив злили щенка во дворе, бросая друг другу палку, которой он хотел завладеть. Щенок на них лаял. Взрослые из окна ругались. Прохожие поздравляли Ивана Яковлевича с Успением. Он приветливо отвечал. У каждого спрашивал, как дела. Спросил и у Риты, как ей спалось, что ела она на завтрак. Видя, что отношения восстановлены и возврата к ссоре не будет, Рита решила заговорить о Выселках. Обозначив тему и подождав, когда прогрохочет грузовик с тёсом, она задала вопрос:

– Ты туда ни разу не забредал?

– Я туда специально ходил, – сказал Иван Яковлевич, закуривая.

– Специально?

– Ну, да. Просто любопытно было взглянуть.

– И кладбище видел?

– Видел.

– Так говорят, оно проклято!

– Мы с тобой вчера уже, кажется, обсудили моё отношение ко всему сверхъестественному. Точнее, позавчера.

Рита покраснела. Вот он всё же, намёк на её ужасное поведение! Вероятно, он прозвучал случайно, и дед о нём пожалел. Надеясь на это, Рита продолжила разговор:

– Интересно, кто на нём похоронен?

– Те, кто там жил.

– На Выселках?

– Да.

– А это была большая деревня?

– Нет, совсем небольшая.

– А почему её больше нет?

– Ну, как почему? Многие деревни исчезли с лица земли после революции. До сих пор они исчезают, а города растут. Это неизбежный процесс.

– Слушай, а зачем ты перед отъездом крышу латаешь? Она ведь, вроде бы, не течёт!

Старик улыбнулся, размазывая по стыку гудрон.

– А вот поздней осенью прольёт дождь, а потом ударит мороз, лёд крышу растянет, и может быть повреждение. Её надо как следует укрепить.

– Иван Яковлевич, пора железную крышу класть, – прошамкал, проходя мимо, дядя Володя-электрик. – С праздничком тебя, дорогой!

– Тебя также с праздником, – приподнял дед кепку. – А что до железной крыши, то она слишком дорого обойдётся. Не потяну.

Замедлив шаги, электрик с прищуром оглядел Риту и усмехнулся, показывая довольно редкие зубы.

– Да ты бы внучку поменьше баловал тряпками! Глядишь, денег было бы больше.

– А ты бы, дядя Володя, меньше совался не в своё дело, – дала совет электрику Рита. – Глядишь, побольше было бы у тебя зубов!

Электрик загоготал и поплёлся дальше. Дед промолчал. Несколько минут было весьма тихо, так как детей и щенка загнали домой. Иван Яковлевич курил одну за одной, ползая по крыше с ведёрком и черенком сапёрной лопатки, которым он наносил гудрон. И вдруг очень высоко в ярко-синем небе раздался грохот – внезапный, долгий, раскатистый. Задрожала земля. Качнулся забор, к которому прислонялась Рита. Она испуганно подняла глаза. В небе находился лишь самолёт. Он летел на очень большой высоте, протягивая туманный след за собой. Недоумевая, Рита спросила:

– Дед, а это что грохнуло?

– Самолёт, – спокойно сказал бывший офицер, отбрасывая окурок.

– Как самолёт? Он что, потерпел крушение?

– Нет, конечно. Преодолел звуковой барьер. Скорость звука помнишь?

– А как же! Триста метров в секунду.

– Так вот, когда самолёт преодолевает…

– Дед! Леший с ним, с самолётом! – крикнула Рита, поверив в то, что ничего страшного не случилось. – Кто жил на Выселках? Ты не знаешь?

Дед не обиделся, потому что был в приподнятом настроении.

– Рита! Я, как ты знаешь, родом-то не оттуда. И не отсюда. Но слышал я, что там жил, кроме обедневших крестьян, какой-то Мутлыгин, лесопромышленник.

– Кто? Мутлыгин?

– Да. Говорят, он прожил почти сто лет, детей своих проклял, а всё имущество отписал каким-то монастырям. Я слышал легенду, что в ночь перед погребением он бесследно исчез из гроба, и гроб зарыли пустым. С тех пор ходит слух, что эта могила ждёт своего хозяина. Но другого, так как Мутлыгина чёрт не выпустит.

– А когда он помер?

– До революции.

Рита крепко задумалась. Иван Яковлевич ей не мешал, чтобы и она ему не мешалась. Оторвала её от дум Танька. Она шла вниз с двумя подруженциями, которые враждовали с Ритой уже лет пять. Одетые лишь слегка, но концептуально намакияженные, три дамы переставляли длинные свои ноги с модельной грацией и бросали по сторонам такие победоносные взгляды, будто вокруг был Лос-Анджелес. На пути у них оказалось стадо гусей с гусятами. Вступив с ними в ожесточённую перебранку, девушки одержали верх, и птицы попятились. Три старухи, которые шли навстречу, сделали девушкам замечание. Те, ни слова не говоря,

продолжили путь. Заприметив Риту, Танька отстала от двух подруг, что-то им сказав, и подплыла лебедем. Изогнула тонкую бровь.

– Марго, ты уже проснулась? Что здесь стоишь? О, здравствуйте, Иван Яковлевич! Высоко залезли! Не упадите.

– Здравствуй, Танечка, здравствуй, – скорее сухо, чем ласково произнёс Иван Яковлевич. – Купаться идёшь?

– Нет, что вы! Купаться после второго августа нежелательно. А сегодня – двадцать восьмое. Просто иду гулять. Ты где была, Ритка? Тебя искали тут всей деревней. Думали, всё!

– Я просто гуляла.

– Просто гуляла она! Вот дурочка! Ох, и внучка досталась Вам, Иван Яковлевич! Взяла бы её да выдрала, дрянь такую! Сегодня с нами пойдёшь?

– Куда? – без всякого интереса спросила Рита.

– Да мы на пруд собрались, карасей ловить. Костёрчик там разведём, пожарим карасиков!

– Вы сначала поймайте хоть одного, – сказал Иван Яковлевич, достав папиросы из пиджака. – Ты думаешь, это такое простое дело?

– Ну, испечём картошечки.

– Не с чужого ли огородика?

– Нет, конечно! Свою возьмём. Ну что, пойдёшь с нами, Ритка? Там Дашка будет, Алёшка, Вика и все, все, все!

– Нет, я не пойду, – отказалась Рита. – Мы с дедушкой к Ильичёвым приглашены. Сегодня ведь праздник.

Гордое лицо Таньки слегка скривилось на одну сторону.

– А тебе-то что делать там? Старушечьи песни петь? Сало жрать? Ты ж его не жрёшь! Или жрёшь?

– Да при чём здесь сало?

– Да как – при чём? Тётя Маша сало туда потащит! Она сегодня хряка зарезала раньше времени. Говорит: «Большой очень вырос, дальше растить нельзя! Невкусный получится!» Думай, думай, Риточка, что вкуснее – сало или картошка.

На другой день Рита в первый раз оказалась в психиатрической клинике.

Глава десятая

За окном белела заря. Матвей по просьбе Наташи выключил свет, и теперь они, сидя за столом, опять казались друг другу полными тайн, как пару часов назад. Но странное дело – тайны те раскрывать ни ему, ни ей уже не хотелось, как не хотелось бы читать книгу пафосного и слабого автора.

– И вот эта самая тётя Маша теперь заботится о твоей свинье? – спросила Наташа, глядя на Риту, которая от начала и до конца своего рассказа ни разу не поднялась с постели и не открыла глаз. Она говорила, будто во сне – монотонно, слабо, но внятно.

– Да, – слетело с её чуть дрогнувших губ. – Да, вот эта самая тётя Маша теперь заботится о моей свинье. А почему нет? Ведь это моя свинья, и ни у кого нет права её обидеть.

– А что потом стало с Дашкой? Она жива?

– Да, она жива. Но живёт не здесь. У неё – два сына.

– А с Викой?

– С Викой? Я слышала, что она уехала заграницу, вышла там замуж. Потом вернулась, кажется. Больше я ничего не знаю о ней.

– А про Димку что-нибудь знаешь?

– Про Димку – да. Он стал вором. Его поймали и посадили. Через пять лет он вышел и снова сел.

– До сих пор сидит?

– Я не знаю. Возможно, умер. Он был болезненный.

– Любопытно! А он на чём специализировался?

Рита вдруг повернула голову к собеседнице и открыла глаза.

– Наталья, давай условимся: это был последний вопрос о нём. На квартирах.

– А что там было, на том кладбищенском камне? – вступил в разговор Матвей. Рита улыбнулась.

– Этого я сказать не могу.

– Почему не можешь?

– Да потому, что хочу забыть. А если я буду это произносить, то вряд ли забуду. Я ни за что бы не рассказала эту историю, если бы не Наташа. Ты видел сам, как она повела себя! Как пиявка.

– Тебе сейчас тридцать пять?

– На прошлой неделе стукнуло.

– Ты ничем таким не болеешь?

– Да так, слегка, – произнесла Рита, поколебавшись. – Почка побаливает. Она у меня одна.

– Матвея интересуют другого рода болезни, – шёпотом проорала Наташа, склонившись к Рите и в виде рупора приложив ладони ко рту. – Он презервативы забыл купить!

– Значит, ты ему предъявляла справку от венеролога?

– Нет, конечно! Я его изнасиловала, как ты двадцать лет назад этого несчастного Димку. Шучу, шучу! Между нами не было ничего. Мне, по крайней мере, так показалось.

Под издевательское хихиканье Матвей встал, давая этим понять, что некоторым длинный язык дан отнюдь не для разговоров, и подошёл к окну. Сдвинул занавеску, висевшую на струне. За окном росла старая развесистая рябина, отягощённая гроздьями. Ранним утром деревня казалась вымершей. Перед самым рассветом ветер понагнал облаков, так что было пасмурно.

– Здесь совсем колхозников не осталось? – спросил Матвей, глядя на пустую дорогу между домами, в которых трудно было представить тех, кого описала Рита в своём рассказе.

– Почти, – сказала последняя. – Все на кладбище.

– Но оно совсем небольшое! Может быть, здесь ещё одно есть поблизости?

– Третье, – снова раздался писклявый голос Наташи, который она успешно старалась делать невыносимым. – Но только я о нём уже не желаю слушать. Это какое-то некрофильство! Я хочу спать. Где мне лечь?

– Где хочешь, там и ложись, – отозвалась Рита. – Матвей, так ты отвезёшь меня с яблоками в Москву?

Матвей дал согласие, но потребовал два часа спокойного сна – именно спокойного, без кошмаров, что достижимо лишь при условии, если злобную и писклявую тварь где-нибудь запрут. Наташа приятным и низким голосом заявила, что делать ей больше нечего, кроме как кошмарить какого-то идиота, однако Рита её решительно положила рядом с собой, заверив Матвея, что он вполне может спать спокойно в любой из двух других комнат или же в мастерской.

– Пусть он спит со Сфинксом, – пробормотала Наташа, укрывшись краешком одеяла. – Они друг друга поймут.

Матвей спать не лёг. Он спустился в сад, присел там на лавочку возле вишни и закурил, продолжая сравнивать то, что было вокруг, с картиной, которую незатейливыми штрихами нарисовала Рита. Только лишь рама осталась от той картины. Никто уже не пасёт, не косит, не безобразничает ночами, не поёт песен, не поздравляет соседей с праздниками. Здесь смерть наглядно продемонстрировала своё бессмертие и свои права на него. Ведь, как ни крути, смерть делает всех лучше. Вряд ли дядя Володя на фотографии, прикреплённой к надгробию, улыбается, обнажая скверные зубы. И вряд ли Танька сквозь кованые узоры ограды смотрит с наглым прищуром. Наверняка ангелочек! Матвей задумался. Отзвук юности – он откуда? Из жизни или из смерти? Если из смерти, то не поможет ли смерть усилить его?

Из дома вдруг выглянул поросёнок. Он по-хозяйски оглядел сад. Заметив Матвея, навострил ушки.

– Сфинкс! – донёсся скрипучий голос из-за забора. – Кто тебя выпустил, змей отравленный? Молодой человек, это вы выпустили его? Вы с Ритой сюда приехали?

– Да, – ответил Матвей и повернул голову. За забором стояла старая ведьма – сгорбленная, морщинистая, с охапкой ботвы. Одета была старуха именно так, как и представлялось бы, если глянуть лишь на её лицо в какой-нибудь рамке. А ведь такой тётю Машу сделала жизнь, а не смерть! Так Матвей подумал. Вслух же он сказал:

– Здравствуйте.

– Здравствуй, здравствуй, сыночек. Твоя машина возле забора стоит? Чёрная, большая? Или Ритулька себе такую купила?

– «Шкода»? Моя.

– Загнал бы её в ворота-то! Тут ведь всякой шпаны полно ошивается! А ты, значит, новый Риткин жених?

– Да нет, я её водитель.

– Ах, вот оно что? Водитель? Ну, замечательно!

На лице тёти Маши вдруг возник гнев. Бросив ботву в яму, специально для неё вырытую, она потащилась в дом, бормоча:

– Водитель! Я тут за три копейки хряка её корми, убирай за ним, а она водителей нанимает! Ох, и зараза!

– Я только яблоки взялся ей отвезти, – попробовал было Матвей загладить свою оплошность, но опоздал. Задняя дверь дома, через которую тётя Маша в него вошла, очень громко хлопнула. Сфинкс, тем временем, жрал те самые яблоки, куда большее их число раздавливая копытцами. Заподозрив, что он голодный, Матвей решил его покормить. В бывшей мастерской, переоборудованной в свинарник, стояло много мешков с сухим комбикормом. Матвей насыпал его полную кормушку. Сфинкс умял всё. Напившись затем воды из корыта, он что-то

громко сказал: может быть, «Спасибо!», а может быть – «Дай ещё!» Ответив на всякий случай «пожалуйста» и «не дам», Матвей поросёнка запер, покинул дом через верхнюю половину, и, сев за руль, поспешил на кладбище.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.